

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

МАСТЕР КРИМИНАЛЬНОЙ ИНТРИГИ

ВРАГИ

ИЛИ ЗАКОН ЖАНРА

Колычев. Мастер криминальной интриги

Владимир Колычев

Закон жанра

«ЭКСМО»

2006

Колычев В. Г.

Закон жанра / В. Г. Колычев — «Эксмо», 2006 — (Колычев. Мастер криминальной интриги)

Еще в юности Ярослав Барьянов схлестнулся из-за девушки с Артуром Качуровым. Хоть одержал верх в драке Ярослав, но в последний момент Артур посадил-таки его на перо. За что и попал на зону. А Барьянов прошел Афган, стал известным артистом кино. Но не дает ему покоя бывший соперник, который сколотил свою банду. Ведь не только старая любовь не ржавеет, ненависть тоже. Бандит поклялся: не жить артисту на этом свете. Ярослав тоже понял – им двоим по одной земле не ходить. И если бандита не убедили кулаки – убедит пуля...

© Колычев В. Г., 2006

© Эксмо, 2006

Содержание

Часть I	5
Глава первая	5
Глава вторая	22
Глава третья	33
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Владимир Колычев

Закон жанра

Часть I

Глава первая

Юрик во все глаза смотрел на экран. Рот буквой «о», замороженный взгляд. И локтем Ярослава в бок толкает:

– Сейчас, сейчас... Смотри, ныряет... Класс, да?

Ярослав кивнул головой. Да, сцена очень интересная. Красавица индианка голышом купается в озере. Обнаженная женщина – что может быть прекрасней...

Ярослав уже третий раз смотрел «Золото Маккены». И всякий раз с замиранием сердца ждал этого момента. Голая индианка, озеро. Но завораживала не только голая натура. Суровый пейзаж американских прерий, знойные каньоны. Золотые копи, из-за которых пролилось столько крови. Хотелось бы Ярославу добраться до них. Хотя бы один карман набить самородками. Но как страшно попасть в эпицентр землетрясения. Это же ужас, когда под тобой разверзается земля, когда под ногами поглощающая бездна. Брр... Может, это закон жизни? Ничто не дается так просто. Хочешь разбогатеть – готовься к испытаниям. Да, что-то в этом есть...

Фильм закончился. Ярослав с дружкой уже на улице, возвращаются домой.

– Завтра куда? В зоопарк? – вяло спросил Юрик.

До зоопарка от их дома рукой подать. А там – слоны, бегемоты. Но Ярослава больше манило кино. Одно слово – волшебный мир.

– Завтра Петр Первый арапа своего будет женить, – напомнил Ярослав.

– О! Надо пойти! – оживился Юрик.

– Там Высоцкий играет...

– А, ну да... А как эту, царевну, голышом моют... Вот это вещь!

Юрику главное, чтобы баба голая была, тогда фильм отличный. Да что греха таить, Ярослав и сам любитель таких картинок. Но, в отличие от друга, он может дать фильму высший балл, даже если там и намек нет на обнаженную натуру. А таких фильмов большинство. И не так уж это и плохо.

У Ярослава бабушка – актриса. В молодости она снялась в трех фильмах. И ему бы не понравилось, если бы она появилась на экране в чем мать родила... Но ведь она сама не раз говорила, что искусство требует жертв. Интересно, если бы потребовалось, она бы разделась перед камерой?.. Елки-палки, что за дурацкие вопросы!

– Эй, плесень! – неожиданно донеслось откуда-то со стороны. – А ну сюда шагай!

Ярослав остановился как вкопанный. Замедленно обернулся. В нескольких шагах от него стоял пацан в клетчатой кепке набекрень. Он был на полголовы ниже, но при этом смотрел на него сверху вниз...

Было видно, что парнишка – тертый калач. Уличной выпечки. И этот не по-детски тяжелый и колючий взгляд. Ярославу стало не по себе.

– Это ты мне? – робко спросил он.

– Тебе... И ты сюда шагай! – И Юрика к себе поманил. На губах кривая усмешка.

Друзья как замороженные подошли к нему.

– Бабки есть? – спросил пацан.

– У меня есть, – кивнул Ярослав. – И у Юрика бабушка тоже есть...

– Какая бабушка? – презрительно хмыкнул незнакомец. – Ты че, с луны упал?.. Я про деньги спрашиваю. Рубль гони!

От него веяло угрозой. Казалось, он вот-вот сунет руку в карман брюк, вытащит оттуда нож... И этот парализующий взгляд...

Ярослав полез в карман, вытащил всю мелочь. И Юрик тоже расстался со своей наличностью. До рубля не дотянули. Но паренек остался доволен.

– Все, чушки, свободны! – пренебрежительно махнул он рукой и показал спину.

Только Ярослав его и видел.

Настроение опустилось до нулевой отметки. Такое ощущение, будто в душу нагадили. А дома бабушка со своим всевидящим взглядом.

– А ну, рассказывай, что там у тебя стряслось?

Бабушка у него кремень. Так папа говорит. А он толк в полезных ископаемых знает. Геолог он – с мамой на пару где-то в сибирских краях пропадают. А Ярослав остался на воспитании у бабушки.

Характер у бабушки гранит, а душа – воск. И голос у нее приятный – мягкий, бархатистый.

– Да ничего, – попробовал увильнуть от ответа Ярослав.

– А если честно?

Когда бабушка смотрит на него из-под бровей, от нее ничего не утаишь. Ярослав рассказал про маленького вымогателя.

– Эх ты, тюха! – усмехнулась она.

– А что я мог сделать? – обиженно протянул Ярослав.

– Как что? Надо было его ударить. Так все настоящие мужчины поступают... Сейчас у тебя деньги забрали, а завтра девушку уведут...

Бабушка задумалась. Мысленно унеслась куда-то вдаль. Может, свою молодость вспоминает...

В молодости она была настоящей красавицей. Наверняка парни дрались из-за нее... И сейчас она тоже красивая. Ей уже за пятьдесят, но выглядит она моложе своих лет. Стройная, подтянутая. Ярославу иногда даже казалось, что она выглядит моложе мамы.

Мама у него тоже геолог, как и папа. Ветер в лицо, солнце в глаза, то холод, то жара. Не жизнь, а вечные скитания... А бабушка в театре служит. Щадящие условия и куда больше возможности следить за собой. Было бы желание. А желание у бабушки есть. Она же актриса. Она обязана быть красивой и молодой...

– Да, надо было ему в морду дать, – запоздало согласился он.

– Ярослав, ну что за слова!.. А может, ты и прав. Вещи нужно называть своими именами... Надо было ему в морду дать! – улынулась бабушка. – Этот юный негодяй того заслуживает... Но ты же не ударил его. Испугался?

– Ну... Нет, не испугался... Просто...

– Просто духу не хватило, я права?

– Да нет, не в том дело...

– Ярослав, не надо выкручиваться. Научишься врать, привыкнешь, будешь обманывать и себя, и других... Испугался ты того парня. А почему? Чем он тебя взял?

Бабушка не ругалась, не осуждала. Она просто смотрела ему в глаза. Ярослав не смог выдержать этот взгляд, отвел глаза в сторону.

– Он тоже на меня так смотрел... Только страшней...

– Взгляда ты испугался. Понятно... Взгляда бояться малодушные. И ты у меня, получается, малодушный... А ты бы сам взял да посмотрел на него зло, грозно. Глядишь, и он бы тебя испугался...

– Я не могу так. Не получится у меня...

– Кто тебе сказал, что не получится?.. Сильный взгляд – удел сильных людей. И талантливых актеров... Да не расстраивайся ты, Ярослав. Ты не малодушный. Ты просто растерялся... Знаешь что? Надо тебе учиться владеть собой. А это искусство. Я бы сказала, большое искусство... При нашем театре собираются детскую труппу организовать. Так просто туда не попасть, талант нужен, ну и... В общем, я тебе помогу. И словом, и делом помогу... Сначала делом...

Завтра Ярослав должен был идти на «Сказ о том, как царь Петр арапа женил». Но бабушка устроила ему другое кино. Вернее, театр. Она взялась обучать его основам актерского мастерства. И за компанию приобщила к этому делу Юрика. Туго им пришлось. Но мальчишки не роптали.

Через месяц они были приняты в детскую труппу. И у Ярослава началась актерская жизнь. Летние каникулы закончились, но театр остался. Теперь это был его дом...

А через девять месяцев снова долгие каникулы. Уже не надо разрываться между школой и театром. Времени навалом. Снова можно хоть каждый день ходить в кино.

Ярослав уже большой. Двенадцать лет как-никак. В шестой класс переходит. И Юрик тоже вырос. И не только в годах. Рослый он. Метр пятьдесят восемь. На семь сантиметров выше Ярослава... Да, ему хорошо. А Ярославу не очень. Ему тоже бы хотелось быть высоким. Но, увы...

Сегодня они снова ходили в кино. Была премьера, «Пираты XX века». Класс! Домой они с Юриком возвращались под впечатлением.

– А классно он его! Тот ему кия-я! А наш – бац-бац!..

Юрик брызгал слюной, махал руками. В общем, вел себя шумно. Но сразу заглох, едва услышал знакомый голос.

– Эй, чуваки! А ну сюда!

Целый год Ярослав не встречал этого паренька. Все те же штаны, все та же кепка. Ростом он, правда, побольше стал. Но вряд ли выше Ярослава. Про Юрика и говорить нечего. Впрочем, недостаток роста не мешал этому пареньку смотреть на них сверху вниз.

Ярослав узнал его сначала по голосу. Остановился, замер на мгновение – нужно было войти в образ. Резко развернулся к нему лицом, изобразил небрежную ухмылку. И такой же небрежной походкой подошел к нему. И Юрик тоже весь подобрался, взгляд остекленел.

– Чего тебе? – с наигранным презрением смотрел на паренька Ярослав.

Он играл роль главного героя из фильма «Подранки». Дерзкий, не по годам взрослый пацан послевоенной поры.

– Бабки гони! – как-то не очень уверенно потребовал паренек.

Его взгляд уже не казался таким сильным и жестоким, как в прошлый раз. Может быть, потому, что Ярослав уже умел владеть собой. Мимика лица, жесткая пластика движений, напускная грозная туча в глазах...

– А ху-ху не хо-хо? – ухмыльнулся Ярослав.

– Чо ты сказал? – скривился пацан.

– Гребни отсюда, я сказал!

Как часто он мысленно встречался с этим пареньком. Как часто произносил эту фразу вслух перед зеркалом. И надо сказать, сейчас он сумел подать ее под острым соусом. Паренек внутренне дрогнул.

– Ты за базаром следи! – рявкнул он.

Но в его голосе не было металла. И взгляд поплыл...

– Да пошел ты! – презрительно скривился Ярослав.

Он небрежно повернулся к противнику спиной и твердой походкой направился к дому. Рядом с видом победителя вышагивал Юрик.

– Ну, ну... – зло прошипел за спиной шпаненок.

Но его уже никто не боялся... А зря...

Через день Ярослав и Юрик снова возвращались из кино. «Пираты XX века» – крутой фильм, его можно смотреть и пять, и десять, и сто раз... Только вот карате по этому фильму не выучишь. И врагов с криком «кия» будешь крушить только мысленно...

А сегодня нужно было сражаться реально. И все из-за того же пацана... На этот раз он сам подошел к ним. Предложил отойти в сторонку. Ярослав уже успел войти в образ лихого парня и не хотел из него выходить. Поэтому он пошел за шпаненком и Юрика за собой потянул.

А в сторонке их уже ждали. Два обормота их возраста. Ножей у них не было, шипованных кастетов тоже. Зато были крепко сжатые кулаки. Ярослав даже испугаться не успел, как оказался на земле. Из глаз сыпались искры. А рядом опустился Юрик. Они оба поднялись, но тут же оказались под градом ударов...

Домой они возвращались в скверном расположении духа. Опухшие губы, под глазами синяки.

– Актерское мастерство, актерское мастерство! – возмутился Юрик. – Ерунда это все!.. На бокс лучше бы записались...

– А еще лучше карате, – решил Ярослав.

– Точно, карате! Как Салем из «Пиратов». Кия-я!!!

Возможно, по праздности желания эта идея не нашла бы своего реального воплощения. Но ссадины и синяки послужили надежным стимулом. И через два дня Ярослав и Юрик обивали пороги детской юношеской школы, где была секция карате.

Тренер смотрел на них с пониманием.

– Обидчиков наказать хотите? – мягко спросил он.

– Хотим, – признался Ярослав.

– Тогда вы обратились не по адресу! – отрезал тренер. – Я не готовлю мстителей. И драчунов тоже...

– А-а...

– Карате-до – это закалка духа и философия жизни. Карате-до – это наука побеждать. Начиная с самого себя...

Он говорил недолго, но проникновенно. Ярослава проняло, Юрика тоже. Они уже не хотели мстить обидчикам. Они хотели просто стать смелыми мужчинами, сильными духом и телом...

Занятия начались с началом учебного года. Наплыв в секцию был колоссальным. После «Пиратов» владеть приемами карате хотела вся мальчишеская Москва. Но после месяца занятий зал опустел наполовину. Еще через два месяца осталась четверть.

Ярослав с Юриком тоже были разочарованы. Они-то думали, что им придется махать руками-ногами, с криками «кия» прыгать друг на друга. Но до этого, оказывается, было далеко. Общефизическая подготовка, изнуряющее стояние в боевой стойке, растяжка. И плюс занудная философия восточных единоборств. Но у них терпения хватило. Они продолжали посещать занятия. Правда, ради этого Юрику пришлось завязать с театром. А вот Ярослав показал характер.

Он продолжал разрываться между школой, искусством и спортом. Это сказалось на успеваемости. Но конфликт вспыхнул из-за поведения.

Это случилось в ноябре восьмидесятого года. Ярослав гостил у своего двоюродного деда на даче. Они смотрели телевизор. Парад на Красной площади, Мавзолей, Леонид Ильич Брежнев. Живая мумия. Рассеянный взгляд, вялые движения.

– Во, Леня стоит, – пренебрежительно усмехнулся дедуля. – И Мавзолей его...

– Почему его? – не понял Ярослав.

– А ты любую книжку возьми и увидишь, что буква «е» пишется как «е». А на Мавзолее что написано? «Ленин». Значит, Ленин Мавзолей, улавливаешь?

Ярослав уловил. Но своим еще по-детски наивным умом все же понял, что делиться этими знаниями ни с кем не следует. Понял, но... В школьной библиотеке делали стенгазету, посвященную праздничной демонстрации. Естественно, на нее наклеили снимок Брежнева, Мавзолей, «Ленин», поднятая рука...

– О, Леня! – проходя мимо, небрежно бросил он.

– Как ты сказал? – взвилась библиотекарша.

Маленькая пучеглазая женщина мертвой хваткой вцепилась в его руку.

– Как ты сказал, мерзавец? – повторила она.

Ярослав почему-то решил, что с ее губ сейчас начнет капать пена.

– А что я сказал? Я Леню увидел... Леню Зайцева, – нашелся Ярослав.

– Не ври! Не было здесь никакого Лени Зайцева. Ты нашего дорогого и уважаемого Леонида Ильича обозвал. Да как ты посмел, чудовище!..

Разговор продолжился в кабинете директора. Библиотекарша разошлась и поливала Ярослава грязью, как какого-то врага народа. Директор смотрел на него, поджав губы. В его глазах не было классовой ненависти, но и без того ничего хорошего его взгляд не выражал.

– Леонид Ильич вывел нашу страну на передовой уровень! Мы – великая передовая держава! Леонид Ильич борется за мир, крепит дружбу между народами... – сыпала штампами библиотекарша. – А он... А он его Леней назвал! Да еще и плюнул на него!

– Я?! Плюнул?! – вылупился на нее Ярослав.

– Да! Плюнул!.. И я знаю, если бы у тебя в руках были спички, ты бы сжег газету! Вредитель ты! Поджигатель! Тебе не место в рядах строителей коммунизма!

– Вот об этом мы и поговорим на совете пионерской дружины, – оборвал ее директор. – Поставим вопрос и строго спросим с пионера Барьянова за его несознательное поведение...

– Вы так считаете? – с пафосом оборвала его библиотекарша. – Нет, это не просто несознательное поведение! Это антисоветский, я бы сказала, контрреволюционный выпад...

– Антонина Евгеньевна, ну не надо все усложнять, – поморщился директор. – Барьянову всего... Сколько тебе, Барьянов, лет?

– Двенадцать...

– Вот видите, ему всего двенадцать лет...

– Не надо, Геннадий Васильевич, не надо! В его возрасте пионеры-герои сражались за нашу Советскую Родину!

– Да? И вы были в их числе?

– Нет... – осеклась злючка.

– Вот видите. Поэтому не вам решать, что делать с Барьяновым. Пусть его судят наши современные пионеры...

Современные пионеры не бросались под немецкие танки со связкой гранат, не пускали под откос поезд. Но героями они себя все равно считали. И набросились на Ярослава, как партизаны на беззащитный вражеский обоз...

Чего только не наслушался он о себе. Оказывается, его фамилия происходит от слова «барин». Оказывается, он чуждый элемент в среде строителей светлого коммунистического будущего. Пока не поздно, из него нужно вытряхнуть чуждую буржуазную пыль, отправить на идейную перековку. Особенно старался председатель совета дружины – отличник и чистюля Женя Крыльцов. Он был всего на два, максимум три года старше Ярослава. Но держался как высокопоставленный партийный чин. И все время важно поглядывал на часы. Как будто опаздывал с визитом к дорогому и уважаемому Леониду Ильичу...

Геннадий Васильевич тоже присутствовал на совете. Ярославу даже показалось, что директору школы стало страшно. Во всяком случае, он смотрел на озверелых юных ленинцев не без опаски. Возможно, он смотрел в будущее. И думал, что когда-нибудь может оказаться в тисках, в которые его зажмут эти уже повзрослевшие мальчики и девочки...

Он молчал. Но в конце концов не выдержал:

– Мне кажется, пора дать слово Барьянову. Хотелось бы знать, что он скажет в свое оправдание...

– Да, действительно, – высокомерно посмотрел на Ярослава Крыльцов. – Пора его заслушать... Ну, Барьянов, мы тебя слушаем. Объясни, как вышло, что ты, пионер, опустился до такого безобразия? Плюнуть на Леонида Ильича, обозвать его матерными словами...

– Какие матерные слова? Не было никаких матерных слов. И не плевал я... И вообще, я даже не обзывал его...

– А что же ты сделал?

– Я?!. Я стих сочинял... У нас в театре конкурс. У кого лучший стих про Ленина получится. Ну, а у меня времени мало. Я на ходу сочинял... О! Ленин!.. Я сказал тогда «Ленин», а не «Леня». Антонина Евгеньевна не так поняла...

– И что же ты про Ленина сказал? – сурово нахмурил брови Крыльцов.

– О! Ленин! Ты всегда живой! О! Ленин! Ты всегда со мной! В горе, в надежде и в радости! Ленин в моей весне, в каждом счастливом дне!..

Ярослав декламировал этот стих с пафосом. Самозабвенно и проникновенно. Можно даже сказать, потрясающе. Его слушали с открытыми ртами.

– Это ты сочинил? – спросил Крыльцов.

– Я, – скромно потупился Ярослав.

Он продолжал играть роль. Поэтому и не рассмеялся. А смех так и рвался наружу.

– Молодец! – похвалил его Дима Сидоров.

– Здорово! – поддержали его остальные.

И только Геннадий Васильевич молчал. Он единственный из всех понял, откуда взялся этот стих. Знаменитая песня «Ленин всегда живой». Ярослав взял слова из куплета. И ни один пламенный ленинец не раскусил его. Члены совета дружины, и никто из них не знает песню о Ленине... Теперь только пусть попробуют поднять вопрос об исключении, Ярослав их живо на смех поднимет. Настроение поднялось. И больше не опускалось.

Вопрос об его исключении ставить не стали. И отпустили с миром... Геннадий Васильевич удовлетворенно кивнул. И пригласил Ярослава к себе в кабинет.

– Ты больше так не делай, Барьянов, – сказал директор. – Следить надо за словами. Всегда и везде... Сейчас не тридцать седьмой год, расстрел тебе не грозит. Но кто знает, что будет в будущем...

А в будущем, десятого ноября тысяча девятьсот восемьдесят второго года умер Леонид Ильич Брежнев. В стране объявили траур. Все ждали начала третьей мировой войны. Но наступила самая обыкновенная, отнюдь не ядерная зима.

На смену Брежневу пришел Андропов. Новый генсек начал с укрепления трудовой дисциплины. Даже в кино сходить было нельзя без риска быть уличенным в отлынивании от работы. Все шло к тому, что за прогул могли дать десятилетний срок лишения свободы. На горизонте маячила тень товарища Сталина. Могло начаться страшное время репрессий – о чем когда-то предостерегал Геннадий Васильевич...

Но Андропов царствовал недолго. После него за страну взялся Черненко. И в мае восьмидесяти четвертого года постановлением Спорткомитета СССР было запрещено карате. Ярославу было уже шестнадцать лет. И у него был честно заслуженный красный пояс. Он мог бы вместе с тренером уйти в подполье, как это делали многие. Секции карате продолжали существовать под вывеской «дзюдо», «самбо» и даже «аэробика». Но это если в секции был тренер. А их с Юриком учителя арестовали и отправили в тюрьму. Через два месяца его выпустили.

Ярослав помнил предостережение директора школы. Но не очень боялся он кары со стороны государства. И запросто бы ушел вместе со своим тренером в подполье. Но тот отказался от преподавания. Впрочем, Ярослав горевал недолго. Они с Юриком записались в сек-

цию бокса. И в восемьдесят пятом году он занял семнадцатое место на первенстве Москвы среди юниоров. Для начала неплохо...

Не забывал он и о театре. Правда, театр забыл о нем. Детская труппа была распущена за ненадобностью. Остался только театральный кружок, опять же при театре, но на уровне художественной самодеятельности. Кружок вели бабушка Ярослава и еще один актер – оба на добровольных началах. Занятий было мало – самое большее раз в неделю. Спектаклей и того меньше. Но лучше что-то, чем ничего...

Друг Юрик несколько не переживал по этому поводу. Театр давно не интересовал его. И боксом он занимался без особого энтузиазма. Что, впрочем, не мешало ему добиваться определенных успехов на этом поприще. Он от природы был сильным и выносливым. И комплекция у него ой-ей-ей. В свои семнадцать лет он имел рост метр восемьдесят. И в плечах завидный размах. Удар ему тренер поставил, технику тоже. И Юрик нещадно молотил своих соперников по рингу. Ярослав с ним в бою не сходилась. Ввиду нестыковки весовых категорий. Он был на целую голову ниже своего друга и невыгодно смотрелся рядом с ним. И надо сказать, это его смущало.

Им уже по семнадцать. Время любить. Но любить получалось у Юрика. Девчонки не то чтобы вешались на него, но на дискотеке он запросто мог пригласить на танец любую понравившуюся ему девушку, а потом уйти вместе с ней. Тем более что идти было куда. У Юрика недавно умерла бабушка, оставила внучку двухкомнатную квартиру в Коптево. Родители у него работали в торговле. С деньгами и дефицитом проблем не было. Сделали в бабушкиной квартире капитальный ремонт, обставили ее новой мебелью. И заперли всю эту красоту железной дверью. Вот Юрик женится, тогда и поселится здесь со своей молодой супругой. А Юрик, не будь дураком, выкрал ключи от этой квартиры, сделал с них дубликаты. И теперь имел возможность использовать квартиру по своему личному усмотрению. Правда, приходилось соблюдать режим секретности. И даже светомаскировки. Родители у него строгие, если узнают о его проделках, могут наказать. Машину к выпуску не купят. Юрик этого боялся больше всего.

Ярославу же с женским полом катастрофически не везло. В школе с девчонками вроде бы все было нормально. На его невысокий рост и прыщавое лицо никто не обращал внимания. Девчонки его любили и уважали. Но любили как друга. А вот любовных посланий ему никто не слал. Да и он, если честно, не очень кого-то и выделял. Была, правда, одна девчонка. Из параллельного класса. Но не сложилось...

И вряд ли уже сложится. Уже прозвенел последний звонок. Пора экзаменов. Скоро-скоро выпускной вечер...

Отличником Ярослав никогда не был. И не боялся испортить аттестат тройками. Лишь бы не двойки. Юрик придерживался того же принципа. Поэтому они не особо утруждали себя подготовкой к экзаменам. Шатались по московским улочкам, били баклуши и думали о будущем.

Юрик собирался поступать в институт советской торговли. Родители его так хотели. Да он и сам не возражал. Конкурс там большой. Но у Юркиных родителей там хороший блат. Ярослав, конечно же, будет поступать в театральное училище. В «Щуку». Там у бабушки хороший знакомый. Да и сам Ярослав не промах. Сумеет показать себя...

Он закончит училище, будет играть в театре и сниматься в кино. Само собой, его ждет звездный успех. Это сейчас он никто и зовут его никак. Но очень скоро он не сможет пройти по улице, чтобы его не узнали... Скорее бы наступило это время...

– Юрик, ты чего такой грустный? – спросил его Юрик.

Они шли по Красной Пресне. Прекрасный летний день. Воздух, правда, подпорчен выхлопными газами проезжающих машин. Но кто обращал на это внимание... Юрик, тот обращал внимание на симпатичных девушек. Ни одну юбку взглядом не пропустит... Да и Ярослава тянуло на амурные подвиги. Но куда ему...

– Почему грустный? – пожал он плечами. – Просто задумался... Школу вот, считай, закончили. Столько нового впереди...

– Ага... Вон, глянь, прямо по курсу две козочки... Это и есть новенькое...

Кому что, а Юрику только бабы и нужны.

Надо сказать, девчонки прямо по курсу в самом деле заслуживали внимания. Пышные, на «химии», волосы светло-русого цвета, изящные фигурки. Фирменные джинсы обтягивают тугие высокие попки, длинные стройные ножки, босоножки на высоких каблуках. Одинакового роста, одинакового сложения. Волосы и одежда тоже как под копирку. Лиц не видно. Но, судя по всему, Юрик правильно разгадал ребус.

– Да это, кажись, близняшки... Клевые киски. Давай закадрим, а?

– Так домой же надо, – смущенно пожал плечами Ярослав. – Завтра по химии экзамен...

– Да ладно, химия. Тебе ж пятерка не нужна. А госоценку мы по-любому заработаем...

Смотри, какая «химия» у девчонок. Чем не подготовка к экзамену... Да не робей ты, все будет тип-топ. Одну киску мне, другую тебе. Глядишь, и распечатаешься. Давно пора...

С этим не поспоришь. Ярослав всерьез считал, что засиделся в девственниках. Давно пора попробовать женщину на вкус.

– А ты думаешь, получится? – в сомнении посмотрел он на Юрика.

– Если только друг с другом болтать, то нет. Девчонок нужно убалтывать. А мы только время теряем... Давай, за мной!

Юрик стремительно вырвался вперед и на всех парах подплыл к девчонкам. Обошел их – перегородил им путь. Развернулся к ним лицом. Ярослав поспешил присоединиться к ним.

Юрик смотрел на девчонок строго. Эдакая Родина-мать в мужском обличье. «Родина-мать зовет!» Девчонки даже растерялись. Стоят, не знают, что сказать.

А они в самом деле близняшки. Похожи друг на друга как две капли воды. Симпатичные. Озорные глазки, вздернутые носики, губки пухлые – яркая помада. Кожа чистая, нежная. На вид им лет девятнадцать, если не двадцать. Но Юрика это совершенно не смущает.

– Гуляем? – строго спросил он.

– А что, нельзя? – нахмурились девчонки.

Они уже оправались от неожиданности. Сейчас пошлют Юрика далеко и надолго.

– Время сейчас не то, чтобы гулять. За оружие нужно братья, товарищи девушки. Баррикады строить. Казаки вот-вот могут появиться!

Ярослав ждал, что девушки покрутят пальцем у виска. Но они кокетливо улыбнулись.

– Что, если здесь метро «Баррикадная», то надо баррикады строить? – весело спросила одна.

– А как вы думали!.. Вам камушки потяжелей или полегче? – Юрик взглядом показал на брусчатку.

В далеком девятьсот пятом на этой улице воздвигались баррикады, рабочий люд вырывал из мостовой камни, валил столбы, выламывал двери купеческих лавок. Вели бои с реакционными казаками... И Юрик на этом сыграл. Что ж, судя по всему, его игра очень понравилась девушкам.

– А разве сейчас революция? – так же весело спросила вторая.

– Да, революция! – озорно улыбнулся Юрик. И добавил: – Сексуальная!

– А при чем здесь тогда казаки?

– Казаки – это мы!..

– И что, мы от вас камнями отбиваться должны?

– Нет, когда революция сексуальная, булыжники не в ходу...

– А что в ходу? Палки? – раскрепощенно хихикнула одна из сестренок.

– Оценка «отлично»! – покровительственно улыбнулся Юрик.

– Ну вот, хоть кто-то «отлично» поставил... А то все четверки да четверки... Ну и тройки тоже бывают... А ты в каком институте учишься?

– В советской торговли... – Юрик соврал – даже глазом не моргнул.

Он в самом деле выглядел старше своих лет. Ярославу тоже семнадцать, но выглядел он моложе... Впрочем, близняшки даже не смотрели в его сторону. Все внимание на Юрика.

– А мы в МГТУ... Второй курс заканчиваем...

– Мы с другом тоже... Кстати, меня Юра зовут!

Девчонки разом с двух сторон обволокли его жаркими охмуряющими взглядами. Юрик представил им Ярослава. Они улыбнулись ему. Но лишь из вежливости.

Блондинок звали Надя и Люба. Юрик им предложил:

– Поехали, девчонки, покажу вам, какие баррикады нужно строить во время сексуальной революции!..

– Да! Это интересно...

Близняшки приняли предложение. Но на метро ехать отказались. Пришлось Ярославу брать машину. Пока Юрик заговаривал сестрам зубы, он стоял в очереди на стоянке такси. Наконец экипаж был подан, и можно было ехать в Коптево.

Юркина «баррикада» девчонкам понравилась. Даже очень. Понравилось и вино, которое он достал из своей старой записки и выставил на стол. Хотя это был самый обыкновенный портвейн из магазина. Но, судя по всему, сестрички не отличались особым изыском во вкусах. В отношении напитков. Но насчет мужчин... Ярослав сразу понял, что он лишний на этом празднике сексуальной революции. Но стакан портвешку хватил. За компанию. И в надежде, что хоть кто-то из сестер обратит на него внимание.

Девчонок развезло со второй бутылки. Они как мухи с двух сторон облепили Юрика и полезли к нему целоваться. А тот свой шанс упускать не собирался. То с одной засос, то с другой. А Ярослава как будто и нет здесь...

А сестры и в самом деле забыли про него. Сначала Надя при нем стянула с себя футболку, затем Люба. Бюстгалтеров они не носили, поэтому Ярослав мог видеть их оголенные бюсты во всей красе. А Юрик мог их еще и лапать. Что он с превеликим удовольствием и делал...

Юрик его не прогонял. Девчонки не обращали на него никакого внимания. Надя даже стала стаскивать с себя джинсы... Да, повезло Юрику. Сразу с двумя. Кому сказать, не поверят... Ярослав уныло вздохнул, поднялся с кресла и направился к выходу. Нечего ему делать на чужом празднике разврата...

Он открыл входную дверь и нос к носу столкнулся с Юркиным отцом. Тот стоял на пороге с ключом в руке – видимо, сам только что собирался вставить его в замочную скважину. Рядом с ним молодая шикарная блондинка в короткой юбочке. Понятное дело, что это не Юркина мать...

Брови Виталия Андреевича удивленно поползли вверх. Никак не ожидал он увидеть здесь Ярослава.

Но и сказать он ничего не мог. Если в квартире друг сына, значит, и сын где-то здесь. А он с молодой любовницей. Юрику совсем не обязательно знать о ее существовании...

И все же Виталий Андреевич не удержался от любопытства. Ярослава ни о чем он спрашивать не стал. Молча, чуть ли не на цыпочках вошел в квартиру, осторожно заглянул в комнату, где развратные близняшки уже вовсю облизывали Юрика. Надо было видеть, сколько гордости было в глазах отца...

У отца молодая любовница, у сына на руках две голые близняшки... Да, яблоко от яблони недалеко падает... А у Ярослава отец по тайге с матерью лазает. Ни баб, ни развлечений. Может, он просто неудачник? И сын таким же неудачником растет...

Виталий Андреевич нагнал Ярослава. Смущенно попросил не рассказывать Юрику о своей спутнице.

К экзамену Ярослав не готовился. Но трояк заработал. Законная госоценка в кармане. Еще физику сдать, и можно готовиться к выпускному балу. А там и театральное училище... Скорей бы.

Юрик появился в самый последний момент. Химичка допрашивала Витьку Бутова, а тот был предпоследним в списке. Ярослав уже собирался уходить. Но раз Юрка появился, придется ждать, когда он отмучается.

Его мучения также закончились трояком.

– Представляешь, перегар унюхала, – угрюмо сказал он.

От Юрика в самом деле слегка тянуло вчерашним винцом. И под глазами круги.

– Но это меня и спасло! Формулу этилового спирта спросила. А я эту формулу наизусть знаю... Аж тошнит от нее... И на кой я этот портвешок покупал? До сих пор мутит...

– А от близняшек не мутит? – насмешливо спросил Ярослав.

А у самого шелохнулась зависть. Хотел бы он побывать вчера в шкуре своего друга.

– О! Сказочные девочки! – Юрка блаженно закатил глаза. – Мы с ними такие баррикады строили. А я, как тот казак, знаешь как пашкой махал... Ты уж извини, Ярик, что Надька на тебя не клюнула. Или Любка... А-а, я уж и не знаю, кто с кем должен был. Они ж близняшки. Их не разберешь...

Юрика распирало от самодовольства.

– А на ком жениться будешь, если что? – насмешливо спросил Ярослав.

– Жениться?! Я что, с дуба упал?.. Нет, Ярик, жить нужно как в песне. Есть только миг между прошлым и будущим. Есть только миг, за него и держись... А жена, брат, – это будущее. А я настоящим жить хочу. Сегодня Надька и Любка, завтра Люська какая-нибудь... Батя машину к выпуску обещает. Буду... Будем с тобой, братишка, девчонок катать... Ты это... не кисни. Найдем тебе классную девчонку...

Юркин отец сдержал слово. Сразу после выпуска он вручил сыну ключи от новенькой белой «семерки». Но еще до этого сменил замки на двери его двухкомнатной квартиры. Правда, Юрке ничего не объяснил. Но Ярослав-то все понимал. Сынку – машина, а папашке квартира, чтобы любовниц туда таскать... Но Юрке он ничего не сказал. Виталий Андреевич просил...

А Юрка про квартиру и не думал. Голова была забита новой машиной. Чехлы на сиденья пошить, дефицитную японскую автомагнитолу поставить, стекла зазеркалить. О вступительных экзаменах в институт он тоже не думал. А зачем, заботливые родители все устроят. Да и сам Ярослав очень надеялся на бабушку. В Щукинское училище поступить непросто. Можно и без блата на одном таланте выехать. А если приемная комиссия талант не признает?.. С бла-том-то надежней...

Об институте Юрик не думал, а про девчонок не забывал. Однажды он взял с собой Ярослава и отправился с ним на «свободную охоту».

– Представляешь, позавчера еду по Зоологической, – с важным видом рассказывал он. Машина шла по Красной Пресне. – Там кадр один есть, чехлы классные шьет... А, так вот, еду, значит. Смотрю, бикса чешет. Идет, задницей виляет. А задница... В общем, я к ней подъехал. Тра-ля-ля. Маша зовут... Короче, домой аж утром приехал. Я ее до ночи катал, а потом... Эх, классная была баба! Я сиденья разложил, так мы с ней до самого утра зажигали... Она и вчера звонила. А я отбой дал. Надоела. Другую хочу... А ты чего загрустил, Ярик? Ничего, будет и на твоей улице праздник!

Юрик покровительственно посмотрел на него. Дескать, с ним не пропадешь... Ярослав уныло вздохнул. Сам-то Юрик не пропадет, это точно. Здоровый парень, видный. И язык подвешен. Прикид клевый – сплошная фирма. Модные солнцезащитные очки. Водительские права у него были, но не было восемнадцати лет – машину водить он вроде бы и не имел права.

Но гаишники его не останавливали. А если бы и остановили, у него всегда деньги в кармане, откупится... Ярослав снова вздохнул. Да, ему так не жить. А если и жить, то не сейчас...

– Оп-ля! Смотри! – восторженно вскрикнул Юрик.

Голова вскинулась, как флагманский вымпел, глаза вспыхнули, как прожектора. Как будто прямо по курсу корабль противника.

Юрик прижал машину к обочине, остановился. Ярослав проследил за его взглядом.

А смотреть в самом деле было на что. Было от чего разволноваться. По тротуару встречным курсом шла яркая красивая девушка. Даже не шла, а парила – как белоснежная яхта над морской волной. Сама во всем белом. Модное платье «сафари» из белого котона, белые босоножки. Модная, роскошная. И невероятно красивая. Светло-русые прямые волосы гладко зачесаны и собраны в хвост. В больших синих глазах волны пьянящего обаяния. Каждый шаг – как всплеск чарующей энергии. Ярослав замороженно смотрел на нее. Невозможно даже было представить, чтобы эта девушка обратила на него внимание. Вне всякого сомнения, он и она живут в совершенно разных измерениях. Их жизненные пути просто не могут пересечься... И скорее всего эта девушка сейчас растает как утренняя дымка, как мимолетное виденье... Но нет. Юрик уже выходит из машины, подходит к ней. Что-то говорит ей, улыбается, жестикулирует.

Видно, что Юрик потрясен, смятен. Но держится он молодцом. Дара речи не потерял. Не краснеет. Обаятельная улыбка. Выглядит он здорово... Да, он может составить пару этой красавице...

Девушка смущенно улыбается. Что-то говорит ему... Сейчас она согласится сесть в машину, Юрик высадит Ярослава, а сам вместе с ней отправится... Куда-нибудь они отправятся. И что-нибудь между ними будет... Девушке лет семнадцать-восемнадцать. Она еще недостаточно взрослая, чтобы грешить. Но если Юрик берется за дело, перед ним никто не устоит... А Ярослав неудачник. И он снова лишний на очередном празднике жизни...

Ярослав вышел из машины. И этим привлек к себе внимание. Девушка просто скользнула по нему взглядом. Но вот снова посмотрела на него, уже более осмысленно. И даже с интересом... В глазах легкое приятное удивление. Так примерно удивлялся сам Ярослав, когда среди тройков и четверок в своем аттестате неожиданно-негаданно разглядел пятерку по литературе.

Юрик заметил, куда она смотрит.

– А, да, это моя машина! – До Ярослава донесся его замешанный на гордых нотках голос. – «Семера». Белая... Белеет парус одинокий...

– Кто это парус одинокий? – улыбнулась девушка.

Она по-прежнему с любопытством смотрела на Ярослава. А на машину ноль внимания... Странное дело. Может, у нее косят глаза? Или у самого Ярослава галлюцинации?.. Она смотрит на машину, а ему кажется, что на него...

– Ну, «семерка» моя. Холодно ей без женского тепла...

– Надо же...

Юрик и прекрасная незнакомка медленно подходили к машине. Она уже ни на кого не смотрела, но Ярослав душой чувствовал исходящее от нее тепло.

– Ксения, а вы далеко живете? – Юрка обратился к ней на «вы».

Но это до поры до времени. Как только они познакомятся ближе, он перейдет на «ты». А как только он добьется своего, так они и вовсе расстанутся... Только ничего Юрик не добьется. Какое-то седьмое чувство подсказывало Ярославу, что его дружку ничего не светит... Юрка назвал девушку по имени. Значит, он уже успел с ней познакомиться... Ксения. Красивое имя... Ярослав сейчас находился в том состоянии духа, когда его привело бы в восторг любое имя. Даже Фекла. Лишь бы оно принадлежало этой чудесной девушке.

– На Мантулинской улице.

– А, это где кинотеатр «Красная Пресня»? Знаем, знаем... Мы с Яриком туда в кино ходили...

– А Ярик – ваш друг? – улыбнулась Ксения.

Как будто солнце из-за туч вынырнуло – так светло стало от ее улыбки.

– А, это мой друг, – кивнул Юрик. – Ярослав его зовут.

Сам Ярослав и слова не мог вымолвить от волнения. Гортань пересохла, язык прилип к небу, горло пережало спазмом.

– А я Ксения! – снова улыбнулась красавица.

И неожиданно протянула Ярославу руку. Для чего? Для пожатия или для поцелуя?

Хотел бы он поцеловать эту красивую, словно на заказ выточенную ручку. Но спасибо бабушке, с правилами этикета Ярослав был знаком. Руку можно целовать только замужней женщине и только в закрытом помещении... Он взял протянутую руку, нежно пожал. Так не хотелось выпускать эту милую теплую ладошку из своей руки, но надо... У него возникло такое ощущение, что и Ксения не хотела убирать свою руку. Да, наверное, у него в самом деле галлюцинации...

– Ксения, а что, если я вас подвезу?

Юрик говорил о себе в единственном числе. Значит, Ярослав снова остается в пролете. Один заберет девушку, поедет с ней кататься. А другому снова щипать лаптем хлебать... Но что поделаешь, нельзя же разорвать Ксению на две части. Юрик ловец, и она попала в его сети. А Ярослав пойдет домой готовиться к вступительным экзаменам... Обидно.

– А здесь недалеко, – покачала головой девушка. – Я и пешком дойду.

– Ну зачем пешком, когда есть машина?

– Не старайтесь, Юрий, не уговорите, – вроде бы мягко сказала она.

Но голос ее звучал твердо, уверенно. Не сядет она в машину, как ни проси.

– А может, не надо домой? Можно в кафе сходить, – не унимался Юрик.

– Нет, мне домой нужно.

– Так я вас провожу! Без машины!

– А машину куда? Ее без присмотра нельзя оставлять...

Похоже, Ксения искала повод, чтобы отделаться от него.

– Так Ярик в машине посидит, – нашелся Юрик.

Но ей не понравился и этот вариант. Более того, она заступилась за Ярослава.

– Эх вы! – с укоризной сказала она. – Друга за сторожа держите!.. Если уж вы так не хотите меня одну отпускать, тогда пусть ваш друг меня и проводит!

У Юрика челюсть отвисла от удивления.

– Ярослав, вы меня проводите?

Она смотрела на него и мило улыбалась. Глаза веселые. Но глубоко в них притаилось опасение. Как будто она боялась, что Ярослав ответит отказом...

– Да, конечно... – через силу выдавил он.

На какой-то миг у него возникло ощущение, что голова отделилась от туловища и зависла над ним. Ни рук он не чувствовал, ни ног. И голова закружилась в водовороте сногсшибательного удивления. Ксения сама хочет, чтобы он составил ей компанию. Не Юрика выбрала, а его, Ярослава!.. Фантастика какая-то!

– Ну что ж, пошли!..

Она мягко взяла его под руку... На этот раз Ярославу показалось, что он превратился в снежную бабу. А на улице жара, и он стремительно тает. Перед глазами пар, в жилах талая вода... Голова отказывалась соображать, ноги как ватные и не гнутся. Он шел как на ходулях. И это не укрылось от Ксении.

– Ярослав, что с вами? – мило улыбнулась она. – Вы как неживой!

– Шелом треснул... – ляпнул он.

– Что? – весело и удивленно повела она бровью.

– Ну, шелом – это шлем. Вот если на мне шелом, а по нему, ну, например, дубиной треснуть, так я ничего соображать не буду. Отсюда и слово такое «ошеломить»... Вот я и ошеломлен...

– И кто ж вас дубиной треснул? – засмеялась Ксения.

– Ну, это образно... А вообще, все так неожиданно... И невероятно... Я ошеломлен...

– А что невероятно? – с наигранной наивностью спросила она.

А ведь прекрасно понимает, что Ярослав от нее без ума. И то, что она сейчас идет с ним под ручку, это для него событие из разряда невероятных.

– Все невероятно. Вы рядом, я это вижу, но не могу поверить... Очевидное – невероятное...

Ярослав потихоньку приходил в себя. И уже замечал, что происходит вокруг них с Ксенией. Шумная улица, машины, характерные звуки. Но все это какое-то потустороннее. Для него сейчас существовало только то измерение, в которое он попал вместе с этой чудесной девушкой. Он во сне, и так не хочется просыпаться...

– А Юрий ваш друг? – спросила Ксения.

Ярослав вздрогнул. Сердце сжалось в недобром предчувствии... Почему она про Юрика спросила? Уж не для того ли она его отшила, чтобы раззадорить? Если так, то Ярослав ей не нужен. Он всего лишь игрушка в ее руках...

– Друг...

Сейчас она начнет про Юрку спрашивать. Кто он такой, с чем его едят.

– Сколько ему лет?

Ну вот, началось.

– Семнадцать. Как и мне...

– Семнадцать? Я почему-то подумала, что все двадцать...

– Ну, он старше своих лет выглядит. Красавец мужчина... Не то что я...

– Кто красавец, Юрий?.. – вроде бы удивилась Ксения. – Ну, в общем-то он парень симпатичный... Но слишком уж напористый. И быстрый...

– Девушки любят таких.

– Не знаю, не знаю... Ты мне больше понравился...

Ярослав не мог в это поверить. Может, он ослышался?..

– Я не слышал, что вы сказали, – оторопело посмотрел он на Ксению.

– Да все ты слышал, – стеснительно улыбнулась она.

Больше она ни о чем его не спрашивала. И Ярослав как воды в рот набрал. Всю дорогу они шли молча.

Ксения жила в пятиэтажном кирпичном доме недалеко от парка. Уютный зеленый дворик. Ярослав проводил ее до самого подъезда.

– Ну вот мы и пришли, – смущенно улыбнулась она.

Ярослав молча смотрел на нее. Хотелось говорить ей нежные слова, но волнение сдавило горло.

– Я уйду... – Она взглядом показала на подъезд.

Но не уходила. Ждала чего-то... А ведь она сейчас уйдет. Уйдет, и все. А он не знает ни номера ее квартиры, ни телефона...

– А... А вечером... – через силу выдавил Ярослав.

– А разве сейчас не вечер? – Она бросила взгляд на изящные часики на такой же изящной руке. – Половина восьмого...

– А-а... А в девять кино будет. Я знаю...

– Какое кино?

– Не знаю, – пожал он плечами.

– То знаешь, то не знаешь... Смешной ты какой-то...

Но насмешки в ее голосе не было. Зато угадывались нежные нотки.

– Я не знаю, какое кино. Знаю, что кино будет... Может, сходим?

Ноги налились тяжестью, колени задрожали. Он очень боялся, что Ксения ответит отказом.

– А как же Юрий? – не без сарказма спросила она.

– А что Юрий? – непонимающе пожал плечами он.

– Ну, вы же куда-то с ним собирались. На машине...

– Да нет, мы просто катались...

– Просто? А я думала, что не просто... Девчонок, наверное, катаете...

– Меня девчонки не интересуют! – выпалил Ярослав.

– Как, вообще?

– Ну нет... – Он смутился. – Просто мне с ними неинтересно... Только с тобой...

– Только со мной интересно? – весело и как будто радостно улыбнулась Ксения.

– Да!

– Ну вот, хоть чего-то от тебя добились... Ладно, если ты настаиваешь, то через час я выйду...

– А я пока билеты куплю! – расцвел Ярослав.

Кинотеатр находился в самом парке. Пять минут туда, столько же обратно, еще четверть часа в очереди. А что делать оставшиеся полчаса?.. Впрочем, этот вопрос Ярослава не волновал. Если надо, он готов ждать Ксению не час и не два, а целую жизнь...

Только он вышел со двора, как натолкнулся на Юрика. Тот стоял возле своей машины и смотрел на него мрачно, исподлобья.

– Ты куда такой, как чайник? – угрюмо спросил он.

– Чего? – вздернулся Ярослав. – Кто чайник?

– Как чайник медный, говорю, сияешь...

– А-а... А ты как туча...

– Так а чему радоваться?.. Ничего не пойму, я с Ксенией закрутил, а ты ее увел... Ты сейчас куда?

– В кинотеатр. За билетами.

– С ней, что ли, пойдешь? – еще больше расстроился Юрик.

– Ну да...

– Блин... А я?

– Что ты?

– Мне-то как быть?

– А как я был, когда ты с близняшками хороводил?

– Слушай, а хочешь, я тебя с ними познакомлю? – встрепенулся Юрик.

– Зачем они мне?

– Ну да, ты же с Ксенией закрутил... Не знаю, что она в тебе нашла... Слушай, а она про меня не спрашивала?

– А чего она про тебя спрашивать должна? – нахмурился Ярослав.

– Да мало ли что... Знаешь что, давай в машину, до кинотеатра доброшу. И на меня билеты возьмишь. Два...

– Почему два?

– А ты думаешь, я один-одинешенек? Ага, счас!..

Юрик подвез его к кинотеатру и уехал. Ярослав купил четыре билета. Побродил немного по парку. И в назначенный час был возле заветного подъезда. Ксения появилась минута в минуту. Красивая, яркая. И завораживающая. Голубенькая футболка соблазнительно облегла высокую грудь, темно-синие фирменные джинсы обтягивали стройные ножки, изящные босо-

ножки на высоком каблуке удлиняли и без того длинные ноги. Прямые светло-русые волосы тяжелой волной ниспадали на плечи... Ярослав смотрел на нее и все не мог поверить, что эта чудесная девушка идет в кино не с кем-то, а именно с ним...

Юрик появился ко второму звонку. Он был не один, с ним под руку шла симпатичная шатенка. Пышная прическа, грудь как у секс-бомбы, короткая джинсовая юбка обтягивала мощные бедра, ноги коротковатые, но сильные. И вроде бы даже не кривые... Его спутница стояла того, чтобы на нее обращали внимание мужчины. Но рядом с Ксенией она меркла, как утренняя луна на фоне яркого солнца.

– Привет! – Юрик бравурно вскинул руку.

Он тщательно скрывал обиду. Но все же она прорывалась наружу.

– Это Маша! – представил он свою подругу.

Видимо, это с ней он куролесил позавчера в своей машине. Он же отставку ей дал... Наверное, так оно и было. Но сейчас Маша вдруг понадобилась. Нужно же как-то Ксению раззадорить...

Но, похоже, Ксении совершенно все равно, есть у Юрика подруга или нет. И на него самого она смотрит без особой симпатии.

Сегодня показывали приключенческий фильм «Груз без маркировки». Народу в кино-театре тьма, не протолкнуться. Но вот народ втек в зал, все расселись по своим местам. От Ярослава не укрылось, что Юрик попытался сесть рядом с Ксенией. Но та заговорила с Машей, взяла ее за руку, посадила рядом с собой по правую сторону. Ярослав сел слева от нее. Юрик остался за бортом. Пусть к своей подруге липнет...

Кино Ярославу понравилось. Заграничная жизнь, преступники, наркотики... Морской порт, советская таможня. Лихо закрученный сюжет, отличная игра актеров... Но все это для него перестало существовать, когда он почувствовал на своей руке теплую ладошку Ксении. Он бережно накрыл ее другой рукой. Так они сидели до конца сеанса. И каждый делал вид, что внимательно смотрит кино. На самом же деле они наслаждались друг другом...

Фильм закончился. Зажегся свет. Народ устремился на выход. Ярослав медленно двигался в толпе. Ксения шла с ним под руку... Неужели это не сон?

Они уже покинули кинотеатр, когда перед ними словно из-под земли выросли три мрачных типа... И Ярослав узнал всех троих.

Ярослав хорошо помнил свою первую встречу с главарем этой шайки. Еще в детстве этот деловой крендель уличной выпечки отнял у них с Юриком деньги. Потом была вторая попытка, но уже неудачная. Зато третья встреча с этим пацаном закончилась для друзей плачевно. Он и его дружки крепко тогда им всыпали... Сколько времени с тех пор прошло, и на тебе, новая встреча. Все те же босяки. Только уже повзрослевшие. Огрубевшие, заматерелые. И оттого более страшные.

Шпана внаглую перекрыла путь Ярославу и его спутникам. Все вынуждены были остановиться.

– Снова ты?

Голос Ксении прозвучал как крик души. Она-то откуда этого типа знает?..

– А я всегда буду, поняла? – хищно скривился босяк.

Он не просто смотрел на Ярослава, он буравил его злобным взглядом. От него исходили тяжелые волны смертельной опасности.

– Артур, оставь меня в покое! – не попросила, а потребовала Ксения.

– А не с тобой базар, подруга!

– Я тебе не подруга!

Ярослав видел, как его обтекают выходящие из кинотеатра люди. Все они видят, что назревает серьезный конфликт. Но никто не вмешается, не разгонит шпану. Надеяться нужно только на себя...

– А куда ты денешься? – злорадно осклабился пацан, которого назвали Артуром.
И его дружки нехорошо оскалились.

– Что это за хмыри? – спросил босяк.

И презрительно сплюнул Ярославу на ногу. Он едва успел сделать полшага назад. А то бы стекал сейчас плевков с ноги...

– Не твое дело!

– А ты можешь не отвечать, – ухмыльнулся Артур. – Мы этих чуханов знаем, правда, братва?

– А кто этих козлов не знает?... Давно, бляха, в глаз не получали, а!

– Счас получают, это без проблем!

– Это мы еще посмотрим, кто получит! – набычился Юрик.

– Ты чо, задница, кто тебе слово давал? – надвинулся на него Артур.

– А ты что, директор, чтобы слово мне давать?

Ярослав уже не сомневался, что без драки не обойтись. Вместе с остатками сомнения развеялись и остатки робости. Он уже несколько не боялся этих самодовольных болванов.

– А ты чего шумишь? Чо, на толпе смелый, да? – прошипел босяк. И кивком головы показал в темную глубину парка. – Давай пройдем, поговорим, а? Или очко играет, да?

– Ты за свое очко переживай, понял? – наращивал боевые обороты Юрик. – Пошли, поговорим...

Он смело двинулся в указанном направлении. Ярослав так же смело шагнул вслед за ним. Но Ксения схватила его за руку. В глазах тревога. Она боялась за него... Но ее страх лишь придал ему решимости.

– Мы сейчас! – улыбнулся он.

Примерно так мог улыбаться благородный рыцарь перед поединком во имя своей дамы сердца.

Но она еще крепче вцепилась в его руку.

– Не уходи!

И все же удержать его она не смогла. Не мог же Ярослав оставить друга без поддержки.

В парке было много людей. Но в том месте, куда босяки завели Ярослава и Юрика, никого. Только слышно, как шумят на ветру деревья, плещет вода в канале.

– Тебя убить или утопить? – спросил Артур.

Его зрачки светились зловещим огнем. Ярославу стало не по себе. Но боевой дух остался на высоте.

– Да пошел ты! – презрительно скривился Ярослав.

– Пацаны, вы слышали, что он сказал?

Артур обернулся к своим друзьям. Словно бы в ожидании ответа. Но это был всего лишь хитроумный ход с его стороны. Таким маневром он сбивал противника с толку и одновременно размахивался для удара. Босяк размахнулся. И ударил. Мощно, пружинно.

Однажды в детстве Ярослав попал под качели. Железное сиденье с такой силой ударило его, что в себя он приходил несколько часов. Но этот удар был гораздо более сильным. В голове все смешалось, перед глазами все поплыло. И все же Ярослав сумел удержаться на ногах. Мало того, он ударил в ответ.

Это была целая серия прямых и боковых ударов. Он плохо соображал, но боксерские рефлексы не подвели. Первые удары были откровенно слабыми. Но Артур все же попятился. Пока он приходил в себя от неожиданности, Ярослав увеличил ударную мощь. Под одним кулаком что-то хрустнуло, под другим хлюпнуло. А потом и некуда стало бить. Артур валялся на траве. Но вот он уже пытается встать. Но у Ярослава есть ноги. Когда-то он еще и карате занимался... А ведь именно из-за этого поганца он решил стать сильным и смелым. И сейчас эта сила возвращалась к Артуру бумерангом. Удар, второй, третий...

Юрик дрался сразу с двумя. Силы в нем полно, удар поставлен. Одного сбил с ног, пока тот поднимался, отправил в нокаут второго. Но вот снова против него сразу двое... Зато Артур уже не пытается подняться. Лежит на земле, хрипит. Ярослав оторвался от него, бросился на помощь другу. Вдвоем они обратили противника в бегство. Остался только Артур. Он уже поднимается на ноги. Но в драку не бросается. Улепetyвает вслед за своими дружками...

– Еще раз тебя увижу, башку оторву! – крикнул ему вдогонку Юрик.

Над правым глазом набухает шишка, верхняя губа разбита, подбородок стесан. Но шрамы украшают мужчину. Если этот мужчина победил...

– Пошли отсюда! – Юрик великодушно обнял Ярослава за плечи, и они вдвоем пошли обратно.

Совместная победа над старым врагом еще больше сплотила их. Не было больше никаких недоразумений, никакого раздора из-за Ксении...

Но сама Ксения была. Она увидела друзей, приветливо помахала им рукой. На лице радостная улыбка. Но вот она меняется в лице. В глазах тревога. Из груди вырывается крик:

– Ярослав!

А он уже слышит топот ног за своей спиной. Оборачивается. Но поздно... Оскаленное лицо Артура, тухлый запах перегара и табака. А в руке какой-то предмет. И он уже на всей скорости летит в Ярослава...

Сначала он решил, что Артур его просто ударил. Сомкнутыми в кулак пальцами под сердце. Удар не сильный. Но почему так больно? Не наружная боль, а внутренняя. Как будто раскаленный уголек под сердцем вспыхнул. Голова безвольно запрокидывается на спину, перед глазами кружится небо. «Ах ты, сука!» Это кричит Юрик. Он обрушивает на Артура град ударов. Но Ярослав ничего уже не видит. Сознание штопором вкручивается в темные облака...

Глава вторая

Ярослав открыл глаза. Вокруг все белое и мутное. И мертвая тишина. Он попытался пошевелить рукой. Ноль. Ногой – тот же результат. Тело его совершенно не слушалось. Значит, он умер. И уже прибыл мертвым грузом на тот свет.

К нему кто-то приблизился. Женское лицо в мутных водяных разводах. Глаза и рот едва угадываются, носа не видно вообще. И только на голове хорошо видны рожки... Ну вот, сам дьявол к нему пожаловал. Сейчас будет жечь его каленым железом и жарить на раскаленных углях. Но Ярославу не страшно. Его тело не воспринимает боль, он ничего не почувствует. Да и сознание куда-то проваливается...

Он не умер. Хотя и был в двух шагах от смерти. Артур метил ножом прямо в сердце. И придись удар чуть выше, Ярослава уже никто бы не смог спасти. Но его спасли. Вовремя доставили в больницу, сделали операцию, отправили в реанимацию. Сейчас он отходил от наркоза. А женщина с «рожками» была всего лишь медсестрой в белом накрахмаленном чепчике. Она ставила ему катетер...

Операция прошла успешно. Угроза жизни миновала. Через шесть дней из реанимации его перевели в общую палату. Сначала появилась бабушка. Она улыбалась, но по ее щекам катились слезы.

– А как же училище? – спросил Ярослав.

Он уже знал, что в больнице он проведет не меньше трех месяцев. Врачи обещают сто-процентное восстановление здоровья. Но к тому времени, когда это случится, первый курс театрального училища уже всю будет охвачен учебным процессом. А ведь на этот курс нужно еще поступить...

– Никуда не денется твое училище, – махнула рукой бабушка. – На следующий год поступишь...

– Так это же время!

– Радуйся, что это время для тебя вообще не остановилось!.. Как же тебя так угораздило? Она всхлипнула, утерла слезу.

– За девушку заступился...

– Да, за девушек-то заступаться надо, но на нож зачем прыгать?..

– А если нож сам на меня прыгнул? – вымученно улыбнулся он.

– Да, незадача... А девушку твою я знаю. Ксения зовут.

– Ксения, – встрепенулся Ярослав.

– Виделись мы с ней. Она так за тебя переживала... Поговорили мы с ней на различные темы. Она мне понравилась. Хорошая девочка. В консерватории учится, по классу фортепьяно...

Видимо, на его лице появилось удивление.

– А ты и не знал? – догадалась бабушка.

– Да как-то не успел спросить...

– А я вот спросила... Она старше тебя на два года...

Вот так, а он-то думал, что они ровесники... Да какая разница, сколько Ксении лет, хоть девятнадцать, хоть сто девятнадцать. Лишь бы она всегда была с ним.

– Но это несущественно, – в унисон с его мыслями продолжала бабушка. – Твой дедушка был моложе меня на целых четыре года. И ничего...

Дедушка умер рано, в сорок лет. Врожденный порок сердца.

– Ой, лишь бы Ксения тебя не пережила, – спохватилась она. – Тьфу, тьфу!..

– Не переживет, – улыбнулся Ярослав. – Мы с ней вместе умрем, в один день...

Хотел бы он, чтобы так случилось. Ему будет сто лет, а ей сто два года...

– Да ну тебя, болтун!

Бабушка ушла. А вечером того же дня его навестила Ксения. Как будто солнышко в палату заглянуло. Ярослав сразу почувствовал прилив сил. Даже боль в груди пошла на убыль.

– Привет! – ярко улыбнулась она.

И снова, как тогда в день их знакомства, протянула ему руку. На этот раз он не отказал себе в удовольствии припасть к ней губами.

Рука у нее красивая. Кожа гладкая, нежная, пальцы сильные, длинные, как у пианистки. А так оно и есть.

– Ты не говорила мне, что в консерватории учишься...

– Учусь. А что здесь такого?

– А то, что ты человек творческой профессии. Завидую. А я в театральное собирался поступать. Актером хотел быть. Не получится...

– Глупости. На следующий год поступишь.

– Ты уже какой курс к этому времени закончишь?

– Третий.

– Значит, на четвертом учиться будешь, а я на первом...

– Тебя это расстраивает? – подозрительно посмотрела на него Ксения.

Улыбка сошла с ее лица.

– Да. Ты на четвертом курсе, а я в самом начале...

– Может, тебя расстраивает, что я старше тебя?

– Нет... Об этом я совсем не думаю... Хотя... Нужен ли я тебе такой молодой?.. Может, я вообще тебе не нужен... Какая во мне ценность?

– Ярослав, ты что-то не то говоришь. Ценность твоя в том, что ты есть... А если бы ты не был мне нужен, я бы с тобой в кино не пошла... А то, что мы с тобой туда пошли... Ты, наверное, жалеешь, что связался со мной? Если б не я, ты бы не стал драться...

– Какая чушь!.. Да я... Да мне... Ты мне скажи: умри. И я умру! Даже не спрошу, зачем тебе это нужно...

– Не надо умирать, – нежно улыбнулась она.

И бережно коснулась рукой его лба.

– А вот выздоравливать надо. Досталось тебе. Я до сих пор в себя прийти не могу... И этот Артур... Не думала, что он такой...

– Он что, приставал к тебе?

– Ну как приставал... Мы же совсем недавно на Пресню переехали. Этой весной. Я его и знать не знала... А как переехали, он липнуть ко мне стал. На правах соседа... – совсем не весело улыбнулась Ксения. – А тут вы с Юрием. Я думала, он вас убьет... Я так за тебя боялась. И не напрасно... Ну да ладно, будем считать, что все обошлось. Ты хоть и не совсем здоров, но ведь жив. Врачи говорят, что ничего страшного нет. Сердце не задето, а рана зарастет. Организм у тебя молодой, сильный... Да, витамины тебе нужны...

Она стала доставать из сумки яблоки, апельсины, бережно уложила их в тумбочку. Одно яблоко тщательно вымыла под краном, подала Ярославу. Он откусил. Сладко. Но даже если бы это яблоко было кислей лимона, оно все равно показалось бы ему слаще меда. Ведь оно досталось ему из рук Ксении...

– Спасибо тебе, – благодарно улыбнулся он.

– Спасибо не мне нужно говорить, а врачам. Они тебя лечат...

– А мне со всеми врачами мира на ноги не подняться, если тебя рядом не будет...

– Ну что ж, буду тебя навещать. Буду приходить к тебе, пока не надоем...

– Как ты можешь мне надоесть? Теперь ты моя жизнь! Будешь ты – буду жить. Не будет тебя – умру...

– А видно, что ты актер, – насмешливо повела она бровью.

– Это не игра, – зато он остался серьезным. – Это жизнь...

Он в самом деле свято верил, что без Ксении мир для него перестанет существовать... А ведь она запросто может исчезнуть. Неожиданно ворвалась в его жизнь, так же неожиданно из нее выйдет. Сегодня есть, а завтра нет...

– Плохо, что я в больнице, – с тревогой сказал он. – Я здесь, а тебе домой идти. А там этот подлец... Надо Юрику сказать, чтобы он за тобой присмотрел...

– Еще чего! – возмутилась Ксения. – Юрик твой хороший парень. Но мне и без него хорошо. А насчет Артура... Ты что ж думаешь, он от наказания ушел? Как бы не так. В милицию его забрали. Он сейчас в тюрьме сидит, под следствием...

В палату зашла сестра, показала ей на часы. Время посещения строго ограничено. Ксения понятиливо кивнула. Ласково улыбнулась, помахала ему ручкой на прощание. Направилась к выходу. Но вдруг остановилась. Снова повернулась к Ярославу лицом, подошла к нему. И нежно поцеловала его в щеку... Он чуть не задохнулся от нахлынувшего счастья. И сердце так заколотилось – как будто хотело вырваться из груди, чтобы упасть Ксении в руки...

Она ушла. Но на щеке осталось волнующее тепло ее поцелуя. Он сохранит его до завтрашнего дня. А завтра она снова будет у него.

– Эй, парень, а кто это такая? – по-деревенски грубо спросил его сосед по палате. – Невеста, что ли?

Митрофаныч попал в больницу с резаной раной живота. Бытовая драка. Собутыльник разбитой бутылкой полоснул. Кишки обратно запихнули, живот зашили.

– Не знаю. Хотелось бы...

– А не надо, чтобы хотелось... Слишком красивая она, браток. Поверь, с такими лучше не связываться. Помяни мое слово, наставит она тебе рога... Был у меня один дружок...

Митрофаныч стал рассказывать про какого-то Ваньку, у которого красивая жена на второй год после свадьбы слетела с катушек. Но Ярослав его не слушал. Ксения не из тех, кто от мужа гуляет... Только станет ли он ее мужем, вот в чем вопрос. Слишком красивая она для него. И чем больше он это понимал, тем меньше оставалось надежд на счастливый исход еще и не начавшегося, по существу, романа...

Ярослав с нетерпением ждал завтрашнего дня. Так хотелось снова увидеть Ксению. Но первым появился Юрик. Притащил большой пакет разных дефицитных деликатесов. Долго тряс ему руку – так он выражал радость от встречи. Расспрашивал о здоровье, рассказывал о себе. Дескать, вчера познакомился с обалденной девахой... В словах восторг, а в глазах уныние. Он прекрасно понимал, что ни одна девчонка не может сравниться с Ксенией. Разговор коснулся и ее.

– Нравись ты ей, – сказал он. – Может, и больше чем просто нравишься... На ней лица не было, когда тебя «Скорая» забирала. С тобой в больницу поехала, за руку тебя держала... Да, повезло тебе, братишка, такую девчонку хапнул... Э-э, ладно, будет и на моей улице праздник!

– Это ты о чем?

– Да о том! Найду себе подругу не хуже...

– Удачи тебе!

– Будь спок, все будет нормалек, с притопом и с прихлопом...

Юрик уже собирался уходить, когда появилась Ксения. И снова палата озарилась солнечным светом. И сам Ярослав засиял... как тот медный чайник – кажется, такое сравнение сделал недавно его дружок.

Юрик мгновенно вскочил с табуретки, подставил ее Ксении. Галантный кавалер. На нее он смотрел с восхищением. Но Ярослав не заметил в его глазах плотского вожделения. Если оно и было, то Юрик его тщательно скрывал. Не может же он позариться на девушку своего лучшего друга...

– Ну, я, наверное, пойду, – сказал Юрик. И вопросительно посмотрел на Ксению. – Я на колесах. Может, тебя подождать? Домой подвезу.

– Не стоит, – покачала она головой.

– Понял! Вопросов больше нет! – по-военному звучно отчеканил он.

Пожал Ярославу руку на прощание – и был таков. Как-то он странно себя ведет.

– Что это с ним?

– Вину свою заглаживает, – улыбнулась Ксения.

– Вину?

– Ну, не то чтобы вину... Перед тобой он ни в чем не виноват, передо мной тоже...

Просто... В общем, у нас вчера разговор был. Спрашивал, почему я тебя выбрала, а не его...

Этот вопрос волновал и Ярослава. Он затаил дух в ожидании ответа.

– Я ему сказала: кого выбрала, того и выбрала... Сказала, чтобы он впредь не задавал подобных вопросов...

Ксения имела самый серьезный вид. Видел бы ее сейчас комсорг класса Гоша Жулебин, он бы точно назвал ее человеком с устойчивой жизненной позицией. Еще таких людей называют правильными... И напрасно Митрофаныч наговаривает на Ксению. Она не из тех, кто наставляет рога... Ярослав задыхался от нахлынувшего восторга. Но сладость меда портила ложка дегтя. Может, рано или поздно Ксения все же поймет, что сделала неправильный выбор. Юрик – парень видный, обеспеченное настоящее, перспективное будущее. Девушки таких любят... А кто такой Ярослав? Сын геологов, внук далеко не самой знаменитой театральной актрисы. И сам из себя ничего не представляет.

– А мне можно спросить? – осторожно начал он.

Все-таки он должен был расставить все точки над «i».

– Если ты меня выбрала, значит, мы будем вместе?

– Ты этого хочешь?

– Только о том и мечтаю!

– Тогда будем вместе... – Она бережно взяла его руку в одну ладонь, нежно накрыла другой.

– Зачем я тебе такой?

Как будто бес его за язык дернул... Ксения нахмурилась. Выдержала паузу, сказала:

– Я вижу, ты не очень о себе высокого мнения. А напрасно. Ты смелый, ты умеешь постоять за себя...

– Я не о том... Ты красивая, а я...

– Мужчина не обязан быть красивым. Но это не твой случай... Ты еще просто юн. Погоди немного, и девчонки гроздьями будут вешаться тебе на шею...

Она улыбалась, но в глазах угадывалась затаенная тревога... Этого не может быть! Она боялась потерять Ярослава... Душа вздулась от гордости...

– Мне никто не нужен. Только ты... – Он влюбленно смотрел на Ксению. И она отвечала ему тем же.

Она больше часа просидела возле его кровати. Но это время пролетело как один прекрасный миг. До самого ее ухода он не проронил ни слова. И она молчала. Они наслаждались тишиной и друг другом...

Ярослав выздоравливал уверенно, но очень медленно. Вступительные экзамены в училище имени Щукина уже закончились. Большая часть абитуриентов канула в Лету, счастливицы попали в списки зачисленных. Осенью начались занятия. Для всех студентов, в том числе и для Ксении. Она продолжала постигать премудрости фортепьянного искусства. Но почти каждый день приходила в больницу. И Юрик его навещал. Он также был студентом – учился в институте советской торговли. Отъявленный троечник, а в престижный вуз попал за милую душу. Вот что значит поддержка влиятельных родителей.

Родители Ярослава поддержали его телеграммой. Они не смогли выехать к нему немедленно. А когда узнали, что угроза жизни миновала, отложили свой визит до осени. А в октябре вдвоем пожаловали в Москву. И с отличной новостью. В Северном Медведково им улыбнулась долгожданная квартира. Двухкомнатная, от дома до метро две минуты ходьбы.

К тому времени, когда они получили ордер, Ярослава наконец-то выписали из больницы. Родители должны были заехать за ним, но почему-то задержались. Зато Юрик не подвел. И Ксения тоже пришла.

В Медведково они отправились все втроем. Спальный микрорайон, однотипные дома. Праздничная атмосфера новизны. Юрик не плутал, сразу подъехал к нужному дому. Все вместе они поднялись на пятый этаж. Вычислили четырнадцатую квартиру. Дверь почему-то открыта. Видимо, родители увидели их из окна, поэтому заранее открыли ее.

Но в квартире тишина. На стенах пестрые дешевые обои, на полу в коридоре и кухне линолеум, в комнатах нециклеванный паркет. Из мебели только... палатка. Она была разбита посреди большой комнаты. Ярослав заглянул внутрь. Так и есть, отец и мать спят в обнимку, оба в спортивных костюмах. Хорошо хоть противомоскитные маски не надели...

Ярослав тронул отца за ногу. Тот проснулся, разбудил мать. Они оба выползли наружу. Заспанные, помятые. Смешные. И страшно довольные жизнью.

– Сынок! – полез обниматься отец.

Мать – стройная, хрупкая на вид женщина. Но сына она обняла так, что у него ребра затрещали.

– Извини, что так вышло! – повинился отец.

Растрепанные волосы, нечесаная борода, табачное амбре. Но это его родной папаша. Ярослав очень любил своих чудаковатых родителей. И Ксения смотрела на них с симпатией.

– Ночью песни у костра пели, – объяснила мама. – Только утром спать легли. И проспали все...

– А костер где?

– Да на балконе, – как о чем-то будничном сообщил отец...

Действительно, на балконе Ярослав обнаружил лист железа на опорах из кирпича. Котелок тоже на кирпичах. Под ним остывшие угли... Да-а, хорошо, что в комнате костер не разложили.

– Сейчас похлебку будем варить, – захлопотала мать.

– Не надо! – испугался Ярослав.

Пришлось ему брать у родителей деньги, ехать с Юриком в ближайший хозмаг, покупать кастрюли, тарелки, ложки...

– У нас через две недели отпуск заканчивается, – сообщил отец.

И почему-то виновато посмотрел на сына.

– Мы в Сочи хотим съездить, – продолжила за него мать. – Там еще тепло... Ты же не возражаешь, сынок?

Ярослав не возражал.

– А квартирой вы уж сами займитесь, – выразительно посмотрела она на Ксению. – Нам она пока ни к чему. А вы молодые, вам жить надо...

– Свадьбу когда играть будем? – от щедрот своих душевных спросил отец.

Ксения слегка покраснела от смущения. Юрик помрачнел. Он смирился с тем, что у нее роман с Ярославом. Но, видимо, не совсем...

Ярослав не знал, что говорить. Разговор о свадьбе у них еще не заходил. Все зависело от Ксении. И она это понимала.

– Мы подумаем, – робко улыбнулась она.

Она совсем не прочь выйти за него замуж... Как будто камень с души свалился. Ярослав облегченно вздохнул.

– Думайте, думайте... А мы с матерью за вас уже подумали...

Перед самым отъездом в Сочи родители вручили Ярославу деньги. Восемь с половиной тысяч рублей. Несусветно огромная сумма. На отделку и обстановку квартиры. Юрик сразу же вызвался на роль организатора. В нем было столько энтузиазма, как будто он сам собирался жить в этом доме вместе с Ксенией.

– Обои здесь новые, но плохие. С паркетом надо поработать. Сантехнику неплохо бы заменить, кафель опять же. Линолеум бы поменять. Двери можно получше поставить, на заказ... С мастерами я проблему решу...

– Не надо мастеров, – покачала головой Ксения. – И двери менять не надо, и сантехнику надо оставить. Линолеум тоже неплохой. А вот кафель нужно бы положить. Плиточника надо... Обои переклеить. Но это мы и сами...

Серьезная. Основательная. Отнюдь не кисейная барышня. И очень-очень красивая... Ярослав слушал ее, любовался ею. И был на седьмом небе от счастья. Ведь она не отказывалась жить вместе с ним...

– Ну ладно, – не стал спорить с ней Юрик.

Похоже, он готов был соглашаться с ней во всем. И вообще, готов был ради нее на все... Ярославу это очень не нравилось. Но что делать? Юрик же не виноват в том, что влюблен в Ксению. А он в нее влюблен, вне всякого сомнения...

Ксения в самом деле бралась за любое дело серьезно и основательно. Она загорелась ремонтом квартиры. Но Ярослав и близко не подпустил ее к скрепку и мастерку. И Юрка был против этого. В течение целых двух месяцев он ехал после занятий в Медведково, чтобы помочь другу в работе. Ярослав же посвящал ремонту квартиры все свое время: он нигде не учился и не работал. Но и Ксения тоже без дела не сидела. Готовила им ужин. А ближе к ночи Юрик развозил их по домам. Похоже, он был рад, что Ярослав и Ксения не остаются на ночь вместе. Может, потому он и помогал другу, чтобы не оставлять его наедине с любимой. Но скорее всего Юрику просто нравилось быть в одной компании с Ксенией, даже без надежды на взаимность...

К Новому году ремонт в квартире был закончен. Но Юрик еще до того развил бурную деятельность. Через своих родителей организовал румынскую стенку по госцене, такие же дефицитные спальную и кухонную гарнитуры, мягкую мебель, цветной телевизор «Горизонт», ковры. На хрусталь и серебро денег не хватило. Но Ярослава это несколько не расстроило. Он радовался новой и уже уютной квартире по-детски, но чувствовал себя совершенно взрослым человеком. У него есть свое комфортное гнездышко, куда он может привести молодую жену – самую красивую и самую совершенную. Ну разве может существовать на свете человек более счастливый, чем он?..

Празднование Нового года и новоселья было решено совместить. Бабушка радовалась его счастью вместе с ним. И квартирой она восхищалась. Но лишь обозначила свое присутствие на празднике. Помогла Ксении накрыть стол, выпила немного клюквенной настойки собственного изготовления, пожелала молодым счастья в следующем году. И уже в девять вечера уехала домой. Дескать, у нее своя компания. Друзья и подруги у нее были, не без этого. И все же она была не прочь услышать бой курантов в новой квартире. Но при этом она прекрасно понимала, что Ярославу и Ксении хочется побыть одним.

Только вот уединения не вышло. Уже в половине десятого к ним нагрянул Юрик. А с ним эффектная блондинка с кукольными глазами. Зовут Рита. Красивая, стройная, модная. Но Ксении она проигрывала по всем статьям. И Юрик это понимал...

Вечер удался. Был роскошный стол. Шампанское лилось рекой. Тосты, шутки, приколы... Не хватало только песен. У костра. Может, потому, что костер негде было разжечь... Зато были танцы. И Юрик целых три раза приглашал Ксению. Чтобы не выглядеть дураком, Ярослав танцевал с его подружкой. Говорил с ней о чем-то, а сам посматривал на друга. Но тот

вел себя безупречно. Ни разу не попытался прижать к себе Ксению. И она держалась от него на «пионерском» расстоянии. Они тоже весело болтали о чем-то, но в глазах лишь дружеская симпатия – во всяком случае, у Ксении...

Юрик не хотел уходить, а пришлось. Рита его утянула за собой. Ей нужно было домой, а он должен был ее проводить. Но ушли они лишь утром, в шестом часу. Ксения осталась. Ее родители знали, где она находится. Против Ярослава они ничего не имели. К тому же Ксения была достаточно взрослой и ответственной, чтобы лезть в ее личную жизнь. В этом году ей должно было исполниться двадцать. А Ярославу восемнадцать. В этом же году он поступит в театральное училище, станет знаменитым актером. Но куда больше ему хотелось стать мужем Ксении...

Они сидели за столом. На мягком удобном диване. На экране нового телевизора крутились «Мелодии и ритмы зарубежной эстрады». Ксения мелкими глотками тянула шампанское. Смотрела в телевизор, но вряд ли что-то видела.

– О чем ты думаешь? – спросил Ярослав.

И нежно взял ее за руку.

– О нас с тобой думаю... – как о чем-то самом собой разумеющемся сказала она. – Хорошо мне с тобой, очень хорошо...

Он мягко обнял ее, привлек к себе. Она покорно положила голову ему на плечо.

– Ты самая лучшая! – нежно прошептал он ей на ушко.

– Ты меня никогда не бросишь?

Ее невозможно было упрекнуть в глупости. А вот вопрос глупый...

– Ты шутишь? – улыбнулся он. – Если бы ты знала, как я счастлив, ты бы не задавала таких вопросов...

– Счастье имеет свойство тускнеть... Это я о мужчинах. Они непостоянны...

– Я слышал другое. О, женщины, вам имя – вероломство!

– Шекспир?

– Он самый. В переводе Пастернака...

– Поверь, это не про меня...

Можно ли было ей верить? Да! Да!! Да!!! Но Ярослав верил и в себя. Никогда! Никогда!! Никогда у него не будет никакой другой женщины, кроме Ксении!!!

– Мое счастье никогда не потускнеет! – клятвенно заверил он.

– Я тебе верю...

Она стремительно приблизила к нему лицо, одарила его влюбленным взглядом и жарким поцелуем впилась ему в губы... Подумать только! Они уже почти полгода вместе, но это был ее первый по-настоящему страстный поцелуй.

Они целовались до изнеможения. Его рука сама нащупала «молнию» на ее платье, вжикнула «молния». Ксения этого как будто не заметила. А он осмелел. Сначала избавил ее плечи от бретелек. Затем обнажилась ее грудь. Пальцы легонько коснулись ее затвердевших сосков. Она откинула голову назад, в блаженстве закрыла глаза.

Ярослав коснулся ее сосков языком, и ей это очень понравилось. Язык забрался в ложбинку между грудей, стал спускаться к животу. Ксения откинулась на спинку дивана. Теперь она была целиком в его власти. Он окончательно стянул с нее платье. Осталось только снять трусики. Но она не позволила.

– Не здесь... – истомленно прошептала она.

Он понял все правильно. Подхватил ее на руки и как пушинку перенес в спальню. Он сильный, и ему хватит сил, чтобы носить ее на руках всю жизнь...

Ярослав бережно положил ее на кровать. Ксения глаз не открывала. Но стыдливо закрыла обнаженную грудь руками, свела вместе ноги, слегка согнула их в коленях. На губах нежная счастливая улыбка. Как приглашение к действию... Ярослав снял с себя рубаху, брюки... Кры-

ля безумной страсти оторвали его от пола, перенесли на постель, уложили рядом с любимой. И снова их губы слились в жарком глубоком поцелуе.

Целоваться Ксения не умела. Но Ярослав недостаточно был искушен в любовных утехах, чтобы понять это. Зато ему хватило теоретических познаний, чтобы снова положить свою руку на нежную упругую грудь. Мягкие ласкающие движения. Рука опускается все ниже и ниже... И Ксения уже готова избавиться от последнего кусочка материи...

Ярослава распирает от страстного желания. Он тверд в своих устремлениях. И Ксения не пытается его остановить. Он смело разводит мосты. Можно заводить свой корабль... Но в самый последний момент корабль превращается вдруг в хлипкую дырявую лодку, которая вмиг уходит под воду... Мосты разведены, но утонувшей лодке не пройти сквозь жаркие шлюзы...

Ксения очнулась от страстного забытья. Она уже все поняла. Сейчас она поднимет его на смех... Со стыда Ярослав готов был провалиться сквозь землю.

– Ничего страшного... – нежно улыбнулась она. – Это бывает...

– Оттуда ты знаешь, что бывает? – нервно спросил он.

– Не знаю, – ничуть не смутилась она. – Но мне кажется, что бывает... У нас впереди еще много времени. Все будет хорошо, вот увидишь... Да это и не главное. Главное, что мы вместе. Обними меня, просто обними...

Это были мягкие убаюкивающие объятия. Ярослав успокоился. Но спустя какое-то время вновь попал под напряжение. И снова перешел в нежную атаку. Завелся сам, завел и Ксению... Снова развел мосты. На этот раз его корабль шел быстро и напористо, как морская «Ракета» на подводных крыльях. А шлюзы были тесными и неподатливыми. И отжала их Ксения ценой своей девственной крови...

Наконец-то Ярослав стал мужчиной. А она – женщиной... Он чувствовал себя идиотом. «Откуда она знает, как бывает в постели?..» Да она ничего не знала!.. Досада вскоре прошла. А гордость осталась. Он был первым мужчиной в жизни самой красивой и самой лучшей девушки на свете!..

Новый год, новая жизнь. Ксения не посмотрела на слабые протесты своих родителей и переехала жить к нему. Даже пианино свое перевезла. Бабушка устроила его на работу в свой театр. Помощником осветителя. Хоть какая-то, но зарплата. И возможность изнутри познать жизнь театра.

Но куда больше ему нравилось познавать жизнь вместе с Ксенией. Да и не жизнь это была, а самая настоящая сказка... Но сказка неожиданно закончилась. И беда пришла оттуда, откуда он должен был ее ждать, но почему-то не ждал. В марте Ярослав получил повестку в военкомат. Прошел медицинское обследование. А в апреле прибыл на призывную комиссию.

Военком для вида пролистал его личное дело. Хмуро, но торжественно глянул на него:

– Ну что, призывник Барьянов, будем служить!

– Но я не хочу, – растерянно посмотрел на него Ярослав.

– Не хочешь – заставим, не можешь – научим...

– Ну, я не то чтобы не хочу. Просто я летом поступать собираюсь...

– Куда?

– В театральное.

– Так ты что у нас, артист?

– Актер... – поправил полковника Ярослав. – То есть будущий актер...

– Ты будущий солдат, Барьянов, вот что я тебе скажу... А в училище свое поступишь, когда из армии придешь... Да ты сам посуди, друг ты мой ситный. Вот я вдруг стал добрым и, допустим, – допустим! – дал тебе отсрочку. И что, ты поступаешь в свое училище, да? Хорошо, поступил. А чтоб ты знал, в театральном училище военной кафедры нет. Так что этой осенью в армию все равно идти. С первого курса в армию, осенью. И через два года вернешься, тоже

осенью. А ты сейчас пойдешь весной. И весной через две зимы вернешься. Раньше сядешь... Ээ, раньше уйдешь – раньше вернешься... Ну что, я тебя уговорил?

– А-а... У меня ранение было, ножевое. Я еще силы не восстановил... – выкинул он свой последний козырь.

– Не отлынивай, Барьянов, не надо. Здесь вот четко написано, – военком ткнул пальцем в личное дело, – годен к военной службе без ограничений. И физические показатели у тебя высокие... Нет, Барьянов, не отвертись. Будешь служить, никуда не денешься!..

Уговаривать комиссию было бесполезно. И сам умаешься, и людей насмешишь. А в армию все равно забреют...

Домой Ярослав вернулся как в воду опущенный. И сам расстроился, и Ксению расстроил.

– Военком говорит, раньше сяду – раньше выйду...

– Не мог он такого сказать. Садятся уголовники...

Такие, как Артур, мысленно добавил Ярослав. За подлый удар ножом его обидчик получил сполна. Четыре года колонии. Так ему и надо... А сам Ярослав получил два года. И отказаться нельзя, потому что за отлынивание от службы предусмотрена уголовная ответственность. А он не уголовник... Да и Родине нужно служить. Умом он это понимал, но душа так не хотела отрываться от Ксении.

– И вообще, я не вижу повода для похоронных настроений, – вымученно улыбнулась она. Ей тоже не хотелось оставаться без него.

– Два года – не вся жизнь. Отслужишь, вернешься...

– Ты будешь меня ждать? – с надеждой заглянул ей в глаза Ярослав.

– Еще один глупый вопрос, и останешься без сладкого... Он еще спрашивает, буду ли я его ждать. Конечно, буду!

Ее глаза выражали полную уверенность. И даже без намека на сомнение.

– Армия – это твой долг, – без тени какой бы то ни было иронии сказала она. – А мой долг – дождаться тебя... Но этот долг нужно оформить официально... Тебе не кажется, что тебе пора сделать мне официальное предложение?

Предложение было сделано. Ксения ответила на него твердым «да». И на следующий день они отнесли заявление в загс.

Свадьба была назначена на седьмое июня, а девятого, в понедельник, Ярослав должен был явиться с вещами на призывной пункт.

В белом подвенечном платье Ксения выглядела как королева. Глаза можно было на ней оставить. Женщины смотрели на нее со скрытой завистью, мужчины с восхищением. Был загс, свадебный эскорт, роскошный стол в кафе, друзья, родственники, знакомые. Был и Юрий. На правах дружка он азартно ухлестывал за симпатичной дружкой. Но это был всего лишь азарт, не более того. Красивые девушки не трогали его за душу. Он по-прежнему был влюблен в Ксению. И ему стоило усилий держать себя в бодром расположении духа. Но все равно в глубине глаз темным омутом стояла тоска...

Он вызвал Ярослава на откровенный разговор в самый разгар веселья. На улице уже смеркалось. Он вытащил початую пачку «Мальборо», протянул ему.

– Я же не курю, – слегка удивленно посмотрел на него Ярослав.

– Ничего, в армии закуришь, – усмехнулся Юрий. – Рассказывали мне, как «деды» «духов» гоняют. Там такая тоска, что волком взвоешь, не то что закуришь...

– А ты сам когда идешь? У вас же в институте нет военной кафедры...

– Кафедры нет... Армия – школа жизни, но я все равно окончу ее заочно... Не буду я служить.

– Почему?

– А здоровье не позволяет...

– Ты же здоров как бык.

– А ты в мое личное дело загляни... Да, братишка, каждый крутится как умеет. Я вот отвертелся, а ты нет... Зато у тебя такая жена. Я бы не рискнул оставлять ее одну...

– Это ты на что намекаешь? – взъершился Ярослав.

– Я?! Напекаю?! Да нет, я просто говорю. А ты что подумал? – Юрик вдруг стал мрачнее тучи. – Ты боишься, что я клеиться к ней буду?.. Боишься, вижу, что боишься...

– Но ты же ее любишь! – вырвалось у него.

– Люблю... – не стал отрицать Юрик. – И любить буду... А лезть к ней не буду. Ксения твоя жена. А ты мой друг. Я что, по-твоему, сволочь, чтобы жену у друга отбивать?.. Хорошего ж ты мнения о своем друге. Дать бы тебе в морду за это!.. Ладно, на первый раз прощаю, солдат!.. А за твоей женой я присмотрю, если ты не против. Ну, в смысле, издалека смотреть за ней буду. Если что там помочь надо...

– Ну, если тебе не трудно...

– Мне?! Трудно?! Да нет, мне не трудно... Да ты не робей. Ты же знаешь свою Ксению, она чужого мужика на пушечный выстрел к себе не подпустит... Да, брат, да, я для нее чужой мужик, и слов из песни не выбросишь... Ладно, зато тебе повезло... Она где жить будет, в твоей квартире или у родителей?

– Она ж моя жена. Да и за квартирой присмотр нужен. Сам знаешь, где моих предков носит...

Родители сейчас гуляли на свадьбе. Через недельку в Крым в санаторий отправятся. Затем снова в тайгу. Оба коренные москвичи, но в столице им не сидится, тесно им здесь, простора не хватает...

– Предки у тебя классные, это да... А то, что Ксения без присмотра остается... Ты это... не переживай, если какой козел к ней вдруг сунется, я ему живо рога поотшибаю... И все равно, не надо бы тебе далеко от дома уезжать... – Юрик задумался. В молчании почесал затылок. Наконец родил: – Это у отца один хороший знакомый в Генштабе есть. Что, если он за тебя похлопочет? Ну, чтобы ты поближе к Москве служил...

– Не надо, – покачал головой Ярослав.

– Да ладно тебе, не надо, – отмахнулся Юрик. – Дело-то серьезное... Я поговорю с отцом. А что, прямо сейчас и поговорю. Чего тянуть? К тому же он под мухой. Из него сейчас веревки вить можно...

Его отец тоже был за свадебным столом. Было бы скотством не пригласить на торжество Юркиных родителей...

Юрик переговорил с отцом. Вернулся к Ярославу.

– Сказал, что замолвит словечко... Слушай, а тебе не кажется, что пора расходиться? Народ пусть гуляет, а мы давай на природу. Ко мне на дачу рванем. Шашлыки замутим, у меня все готово. Юльку обязательно взять надо... Хорошая подружка у твоей Ксении. Эх, чувствую, что согрешу сегодня... Это ты у нас сегодня праведник – законный муж с законной женой на законных основаниях... Честно тебе скажу, хотел бы я быть на твоём месте. Но ты не бойсь, я останусь на своем. Твое-то место занято... Ну что, поехали?

– На природу? Поехали!

Погода была великолепная. Сухо, тепло, ласковый ветерок. У Юрика дача где-то под Челобитьево. Это совсем рядом с Медведково. И дача, надо сказать, отличная. Полтораэтажный дом из шлифованного красного кирпича, шикарный сад. Можно неплохо провести время в чисто молодежной компании. Отдохнуть от праздничной суеты, пожевать шашлычков под пивко. А потом и домой можно.

Ксения была навеселе. Но от предложения ехать на дачу наотрез отказалась.

– Юрик твой пьяный, куда ему за руль!

Ярослав не очень расстроился. Мало того, он был польщен. Приятно осознавать, что жена твоя всегда в здравом уме и трезвом рассудке.

– На свадебной машине поедem, – сказала она. – Юрика твоего на дачу завезем. А сами домой...

Решение окончательное и обжалованию не подлежало. Ни с чьей стороны. Юрик – тот вообще не мог ей даже слова поперек сказать...

Подружка Ксении для порядка поломалась, но на даче с Юриком осталась. А Ярослав с Ксенией отправились домой. Первая брачная ночь – это свято. Даже для тех, кто до свадьбы жил в грехе... Бывают же невинные грехи...

– А давай в ванную! – предложил Ярослав.

– Можно и так, – не стала возражать жена.

Они нагишом забрались в ванну... Ярослав открыл бутылку шампанского. Хлопок. Пробка под потолок, винная пена смешалась с мыльной водой. А потом с нею смешались и сами молодожены... Все было очень красиво...

А через день рано утром Ярослав отправился на призывной пункт. Слезы жены, бра-вурные пожелания родных и близких. Дежурное напутствие военкома, трескучая от старости запись «Прощания славянки»...

На Ярослава нахлынуло гнетущее предчувствие, что Ксению он видит в последний раз.

После прощания его отвезли на Угрешскую улицу. Здание городского сборного пункта было заимствовано у самой обыкновенной школы. Призывники должны были находиться здесь не более суток. Кровати не предусмотрены. Если «покупатель» по какой-либо причине не прибыл, призывников отправляли ночевать в ближайшую воинскую часть. А Ярослава «покупатели» приняли еще до обеда. В составе сборной команды он должен был отправиться куда-то на Урал в мотострелковые войска. Но в самый последний момент его выдернули из команды и отправили домой до особого распоряжения. Оказывается, это вмешался знакомый Юркиного отца из Генштаба. Ярослав должен был прибыть на сборный пункт через три дня для зачисления в «блатную» команду. Неплохое начало службы. И утреннее предчувствие не оправдалось. Он снова видит Ксению...

Но через три дня он опять был на Угрешке. И уже вечером трясся в автобусе, который вез его в воинскую часть, расположенную всего в десяти километрах от Москвы в направлении Горьковского шоссе. До дома всего ничего... Вот и скажи, что Юрка не настоящий друг. Имел бы он на Ксению подлые виды, он бы не стал помогать ему, и был бы сейчас Ярослав на Урале у черта на куличках...

Глава третья

Три недели «карантина» тянулись целую вечность. КМБ – жизнь по уставу, курс первоначальной военной подготовки, вечно оружие сержанты... Кормили неплохо, но постоянно хотелось есть. Сон по восемь часов в сутки, но Ярослав никогда не высыпался. Кирзовые сапоги не очень тяжелые, но первое время они натирали ноги. Да и жарко летом в них. Была такая пытка, «испанский сапог» называлась. Это когда сапог на ногу и близко к огню в камине. И здесь что-то вроде того. И мешковатое «хэбэ» с дурацкой пилоткой не самая лучшая защита от палящего солнца. А еще эта идиотская строевая подготовка. «Делай „раз“!» И стоишь, как цапель недоделанный, с высоко поднятой ногой, пока не последует «два». А пауза может затянуться на пять-десять минут. Ать-два, ать-два, вешайся, молодой солдат! Да и не солдат ты, а «запах», самая нижняя ступень в дембельской иерархии... Жарко, нудно, унизительно, тяжело. Но Ярослав старался быть лучшим. Потому что стимул у него был. Он должен иметь по всем дисциплинам твердые пятерки, тогда в день присяги командир роты отпустит его в увольнение до самого утра...

И вот он, этот знаменательный день. Жаркое утро. Плац. Столы под кумачом, развернутое знамя дивизии. Отцы-командиры. Строй молодых солдат в парадной форме с автоматами в положении на грудь. Ярослав тоже в этом строю. Праздничный антураж его не волнует. У него сейчас только один интерес. Он уже нашел в толпе гражданских самое прекрасное в мире лицо. Ксения. Она ярко улыбается, машет ему рукой. Рядом бабушка. И Юрик. Ну куда ж без него...

– Рядовой Барьянов!..

Ярослав выходит из строя, берет со стола красную папку. Разворот на сто восемьдесят градусов.

– Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Вооруженных Сил, принимаю присягу и торжественно клянусь!..

Слова клятвы и в самом деле звучат торжественно. Врывается в душу истинное осознание своей принадлежности к армии, к стране. Верность своему воинскому долгу, преданность своему народу, своей Советской Родине и Советскому правительству – это уже не пустой звук, это уже линия жизни... И ты в самом деле готов быть честным, храбрым, бдительным воином, строго хранить военную и государственную тайну, беспрекословно выполнять все воинские уставы и приказы командиров...

Ну вот и все, присяга принята. Поздравления начальства, прохождение торжественным маршем. Казарма, оружейная комната, канцелярия командира роты, где Ярослав получил заветную увольнительную до самого утра. И вот он, радостный миг! Он обнимает свою любимую и ненаглядную!.. А теперь домой, домой...

Юрик вез их на своей машине. Бабушка впереди, а Ярослав с Ксенией сзади. Он обнимает ее, целует... Так хочется, чтобы этот день тянулся вечно.

– Ну, как служится, солдат? – спросил Юрик.

Пришлось отрываться от жены, чтобы ответить ему.

– Нормально.

– А в Афганистан вас не пошлют? – с тревогой спросила Ксения.

– Нет, – уверенно мотнул головой Ярослав.

Он служил в мотострелковой дивизии кадрированного состава. Боевая техника, оружие, амундация – все по штату военного времени. А личного состава гораздо меньше. Служба предстоит нелегкая. Боевая и политическая подготовка, обслуживание техники и вооружения, караулы, хозяйственные работы. На военное время в дивизию прибывает приписной состав. Задача личного состава принять военнообязанных, укомплектовать роты, батальоны и полки до штатов военного времени. Только тогда дивизия будет готова вести боевые действия. А сейчас

войны нет. И дивизия как бы находится в анабиозе. Какой уж тут Афганистан. Туда боееспособные части отправляют...

– Сейчас трудно будет, – продолжал Ярослав. – Я ж пока что еще молодой...

– Достают «деды»? – беззлобно усмехнулся Юрик.

– Да пока нет. Мы ж на «карантине» были. А завтра нас по ротам распахают. Вот тогда все и начнется...

– Что начнется? – насторожилась Ксения.

– А весело будет. Сначала в «духа» посвящать будут. Три раза ремнем по заднице...

– Да что ж это такое! – возмутилась бабушка.

– Да ладно, все через это проходят! – молодежато отмахнулся от нее Ярослав.

А на душе скребли кошки. Ведь все его пророчества начнут сбываться в самом ближайшем времени. Это сейчас он такой герой, а завтра будет не до шуток.

Чтобы дорасти до «деда», мало прослужить полтора года. Нужно пройти сквозь сито обрядов и посвящений. Не пройдешь – до самого дембеля останешься «духом бесплотным».

Завтра Ярославу предстоит первое испытание. Посвящение в «духи». Затем «китайская ночь» – три дня никто из «дедов» не посмеет пальцем к нему прикоснуться. А потом грянет следующее испытание. Называется «клизма». Вставят тебе стручок красного перца в задницу, и лежи себе тихонечко до самого утра. Только как тут тихонечко лежать, когда перец очко разъедает... Но если выдержишь экзамен, считай, что повезло. Теперь ты уже не просто «дух», ты «перец». Тебя уже никто не сможет заставить стирать дембельские носки да портянки... Но как все это выдержать?

Ярослав попытался переключиться с плохого на хорошее. И это у него получилось. Еще бы, рядом с ним Ксения. Они едут домой. И впереди у них целая ночь...

Наконец он попал в свой дом. Как будто в раю оказался. Тишина, уют, порядок. В холодильнике продукты и шампанское. Ксения обо всем позаботилась... Она отправилась на кухню. Он забрался в ванну. Горячая вода, пена... Кайф. Но будет кайф и покруче!

Тихонько открылась дверь. Ксения в халатике на голое тело. В глазах шальной блеск, на губах блудливая улыбка, волны истомленной страсти... Такое с ней случалось не часто, но если случалось, тогда они отрывались на полную катушку. Сегодня она в настроении. А иначе и быть не может. Разве ж она не понимает, в чем нуждается оголодавший солдат?..

– Тебе спинку не потереть?

Разумеется, Ярослав дал положительный ответ. А затем положил и саму Ксению. Вернее, поставил в интересную позу... И они вместе взвились высоко-высоко на седьмое небо. А стремительное падение было таким взрывным, что сорвало башню...

После ванны был обед, шампанское. Короткий разговор за жизнь. Долгая постель. Снова разговор за жизнь – более длинный. Снова постель... Это были волшебные часы жизни. Кажется, этот день будет длиться вечно, но все закончилось очень быстро.

Утром к ним домой пожаловал Юрик. Он должен был отвезти Ярослава в часть. Ксения отправилась с ними. Сегодня ей не до учебы.

Юрик остановил возле самого КПП. Все втроем они вышли из машины. Ксения крепко обняла Ярослава, целовала его в губы, в шею. В глазах слезы. Она так не хотела расставаться с ним... И он не хотел от нее уходить. Но через пять минут он должен был доложить командиру о своем прибытии. Время стремительно утекало.

– Любимая, мне пора. – Он нежно поцеловал ее в шею.

Оторвался от нее.

– Ксень, ты его как на войну провожаешь, – не очень весело улыбнулся Юрик. – Тут же совсем рядом, скоро увидите...

Это подействовало на жену успокаивающе. Юрик крепко пожал Ярославу руку, помог ей сесть в машину.

Ярослав помахал им на прощание рукой. И направился к двери контрольно-пропускного пункта. А там засада. В проходе стоял крепкого сложения сержант. Наглая рыжая морда. Ворот распахнут чуть ли не до самого пупа, ремень на яйцах, ноги на ширине плеч. Недобрый взгляд. На губах кривая ухмылка.

– Кто такая? – кивнул он вслед удаляющейся машине. – Невеста?

Хотелось ответить резко. Но «деду» грубить не стоит. Можно нарваться на большие неприятности.

– Жена.

– Ни фиги себе! У «запах» и такая жена... У меня такой нет, а у него есть... Ладно, проходи!

Сержант нехотя посторонился, Ярослав пулей проскочил через КПП. Перед ротным он предстал минута в минуту.

На построении был зачитан приказ командира дивизии. Молодых солдат раскидывали по линейным подразделениям. Ярослав попал в третью роту второго батальона опять же второго полка. С ним еще шесть «запахов».

Роты в полку неполного состава, поэтому батальон размещался в одном спальном помещении. Все как положено. Тумбочка дневального на входе, доска документации, паркетная «палуба», кровати в два яруса на дощатом полу. Уставной порядок. Кровати тщательно заправлены, подушки выровнены, полотенца – лицевое и ножное, на крючках под сетками свернутые прикроватные коврики. Вроде бы все хорошо. Но заматерелый дух невыносимой казенщины – как серпом по нервам.

В общей сложности в батальон прибыли два десятка новобранцев. Дежурный сержант построил новичков. Когда появился офицер, застегнулся, для приличия дернул кверху ремень – вроде как подтянул. И доложил ему о прибытии пополнения. Капитан приосанился. Толкнул приветственную речь. Говорил много, но в сущности ни о чем. Передал молодежь в распоряжение старшины и смылся в канцелярию.

Старшина был из старослужащих. Натуральный дембель. Важное лицо, солидные движения. Он смотрел на новобранцев, но, казалось, не видел их. Как будто они для него не существовали.

– Для вас я здесь бог и царь! – с небрежной ухмылкой заявил он. – Вопросы есть?

Тишина. Значит, вопросов нет.

– Горшков! Проясни ситуацию!

Дежурный сержант с готовностью взял слово.

– Как жить будем, «запах»? – скривился он. – По «дедовщине» или по «уставщине»?..

– По «дедовщине»... – нестройным хором ответил строй.

А другие варианты просто не принимались.

– Тогда слушай, что можно, а чего нельзя...

Бал в батальоне правят «деды». «Запах» и «духи» – народ бесправный. С появлением «деда» «духу» полагается подниматься ему навстречу и садиться только с его разрешения – в классе, в казарме, в курилке, исключение делалось только для сортира и столовой. И еще нельзя было подниматься навстречу «деду» в присутствии офицера. В помещение молодой может заходить только с разрешения старослужащего. «Входи!» – значит входи, «Залетай!» – разбегаешься и на всех парах вперед. А если «Вползай», то придется вспомнить правила передвижения по-пластунски. Хлеб из столовой таскать нельзя. Если увидят, то заставят сожрать несколько буханок хлеба без воды. То же самое будет, если пожалуешься на нехватку еды. Скажешь, что устал, тебя освободят от физической подготовки, зато твоих товарищей будут гонять как сидоровых коз, а вечером жди «темную». Ни в коем случае нельзя показывать хорошее настроение, обязательно найдется «дед», который захочет его испортить.

У дембелей свои приколы. Если кто-то из них среди ночи запросит: «Ду-ухи», нужно дружно отвечать: «Мы-ы!» Не зря говорят: стар что млад. Дети любят сказки на ночь, а «старички» без этого просто жить не могут. Так что можно нарваться на «вежливую» просьбу почтить «дедушке» сказку. И не абы какую, а строго установленную. В форме высокоинтеллектуального стишка:

*Чирик-чирик, мандык, ку-ку,
Скоро дембель старику.
Масло съели, день прошел,
Старшина домой ушел.
Спи, старик, спокойной ночи,
Дембель стал на день короче.
Пусть приснится дом родной,
Баба с пышиною звездой,
Ящик водки, пива таз.
Ну и, конечно же, приказ
На увольнение в запас...*

А еще «дедушкам» очень нравится играть в «дембельский поезд». Ложится «старичок» спать, а его со всех сторон окружают «духи» и давай наяривать – кто-то качает койку, кто-то изображает перестук колес. Кто-то бегаёт вокруг кровати с веткой и фонариком – имитация мелькающего за окном пейзажа. Кому-то приходится играть роль проводницы – взбивать «дедушке» подушку, поправлять одеяло, подавать чай и сигареты, петь колыбельные песни. А утром «пассажира» положено встречать с букетом цветов и веселыми песнями. Если все хорошо, то «духам» рекомендуется «просмотр телепередач». Все очень просто. Берешь в руки табуретку, на нее ставят трехлитровый баллон воды. Мало смотреть на эту воду, нужно еще видеть, что «показывают по телевизору». Здесь без фантазии не обойтись – надо ведь еще и пересказать содержание «телепередачи»... В общем, Ярославу и его товарищам по несчастью предстояли веселые развивающие игры...

И первая такая игра не заставила себя ждать. В тот же день после отбоя «дедушки» прогнали молодых через строй. По три удара бляхой по голым ягодицам. Особенно усердствовал тот самый сержант, которого Ярослав встретил утром на КПП. Оказывается, он попал служить в одну с ним роту. «Деды» звали его Ероха. Но молодым велено было обращаться к нему по имени-отчеству: Ерофеев Евгений Дмитриевич... Этот гад с такой силой ударил Ярослава, что у него искры из глаз брызнули. И задница вмиг распухла. Два других удара от других «стариков» он просто не почувствовал... После этой унижительной процедуры был зачитан пафосный «приказ» о присвоении «духам» высокого звания «дух».

Три дня «китайской ночи» Ярослав отходил от побоев. Никто его не трогал. А потом снова началось.

Его подняли среди ночи. Намечалась очередная «дедовская» игра. Ерохе приспичило «сушить крокодила». И на роль забавы он выбрал Ярослава.

«Дед» ложится на свою койку, а «дух» зависает над ним враскорячку. Пришлось Ярославу исполнять этот трюк. Все бы ничего, но дужки кровати были скользкими – как будто маслом смазаны. Он с силой вцепился в них руками и ногами, но чувствовал – долго не продержаться. А Ероха с силой пнул его ногой в живот. Хорошо Ярослав успел напрячь пресс. Удар был сильным, но он все-таки удержался на плаву. Снова удар. Кулаком в грудь. Ярослав думал, что у него остановится сердце. Но ничего, пронесло. И на весу он удержался. Тогда Ероха принялся его щекотать. Это была самая настоящая пытка. Ярослав даже обрадовался,

когда он снова пнул его. Ногой в грудную клетку. На этот раз он не удержался и слетел с кровати и под хохот жадных до зрелищ «дедов» растянулся на полу.

– А-а, размазался! – жутко захохотал Ероха.

– «Лося» ему, «лося»! – закричал кто-то из его дружков.

– А у него чо, рога есть?

Ероха вскочил с кровати, вплотную приблизился к поднявшемуся Ярославу, рукой взял за подбородок, заглянул в глаза. На губах гнусная ухмылка.

– Чо, жена рога наставляет?

За такие вопросы бьют морду. Это чревато последствиями, но Ярослав готов был сорваться с цепи. Однако за него заступился кто-то из «дедов»:

– Ероха, ты чо! Это ниже пояса!

– Ладно, замяли тему, – ухмыльнулся гад.

И злорадно глянул на Ярослава:

– Давай рога, шнурок!

Ярослав свел ладони на лбу. Сейчас Ероха будет лупить его по «рогам»... Первый удар. Кулаком. В голове колокольный звон, перед глазами звездопляска. Еще удар, еще... Ероха бил до тех пор, пока Ярослав не упал...

– Хорош с него!

«Деда» разошлись. Убрался и Ероха. Ярослав кое-как дотянул до кровати. Упал, зарылся под одеяло. Обида выкручивала душу наизнанку. Но надо было набраться терпения. Рано или поздно он сам станет «дедом», тогда его никто не посмеет тронуть. А сам он таким скотом, как Ероха, не станет. Не станет!..

Следующий день принес новые испытания. Но уже чисто служебного порядка. После завтрака из строя вывели «духов» со всей дивизии. Появился молодцеватый энергичный старший лейтенант. Молодые поступили в его распоряжение. Он отвел их в спортивный городок, приказал принять форму «два». Сапоги, «бриджи», голый торс. Предстояло сдавать нормативы по физической подготовке. Подтягивание, бег на сто метров с положения лежа, полоса препятствий и кросс на десять километров. И надо уложиться до обеда.

Ярослав был в отличной физической форме. Ему ничего не стоило сдать нормативы на «отлично». Но, оказывается, этого было мало. Старший лейтенант задал стимул – лучший из всех поощрялся внеочередным увольнением на эти выходные. А ему так нужно увидеть Ксению...

Пришлось лезть из кожи вон, чтобы показать лучший результат. На марш-броске Ярослав был первым, но линию финиша пересекал чуть ли не ползком. До этого он был первым на стометровке, на полосе препятствий. И в подтягивании отличился – двадцать шесть раз, но здесь его все же превзошли, он был вторым.

Старший лейтенант подвел итог, отметил его в лучшую сторону. И с оценочными ведомостями под мышкой ушел в штаб. Ярослав был доволен. Он мог рассчитывать на увольнение. Возможно, его отпустят на ночь...

Но эту ночь он должен был провести в казарме. А там подлый Ероха... Ярослав уже засыпал, когда его грубо толкнули в плечо. Возле кровати стоял дневальный из «черпаков».

– Пошли! – потребовал он и деловитой походкой направился в сторону умывальника.

«Черпак» не такая уж и шишка, чтобы повелевать «духами». Но за ним «старики». Так что хочешь не хочешь, а надо следовать за ним.

Дневальный провел Ярослава в умывальник, но не остановился, завернул в сортир. А там обделанные «очки».

– Уберешь все, – сказал «черпак». И для ясности пояснил: – Дежурный приказал!

– Ты дневальный, ты и убирай, – не повелся Ярослав.

– Ну как знаешь, – пожал плечами солдат.

И вышел из сортира. Ярослав за ним. Но в умывальнике его уже ждали. Вездесущий Ероха, а с ним еще три «деда».

– Я не понял, ты чо, борзый, да? – наехал на него Ероха. – Тебе сказали срань убирать, давай грабли разуйвай и пошел!

– Я не дневальный, – упрямо мотнул головой Ярослав.

– Ты будешь вечным дневальным, ты меня понял? Ты здесь в говне до самого дембеля будешь!

Ярослав усмехнулся. Это верно – если он сейчас дерьмо за другими уберет, тогда точно все два года «помойкой» будет. Одно дело убираться, когда тебе это по уставу положено, и совсем другое – когда по чьей-то прихоти...

– Ты, интеллигент московский! Давай сюда свою зубнушку и поехал! – орал на него Ероха. – И чтобы как у кота яйца все блестело!

Хочет, чтобы Ярослав своей зубной щеткой сортирные «очки» натирал.

– Не буду!

– Не, мужики, вы слышали, он не будет!

Ероха простер свои руки к «дедам», но тут же изо всей силы ударил Ярослава в живот. Но тот ожидал подвоха, поэтому удар не стал для него неожиданностью. Ярослав вовремя напряг пресс, сбалансировал тело. И на ногах остался стоять, и в поясе не согнулся.

Ероха снова ударил. Ярослав резко развернулся к нему боком, и кулак едва коснулся груди. Но кто-то из «дедов» ударил его сзади под колено. Нога прогнулась, и в тот же миг сильный удар в спину швырнул его к умывальным раковинам. Еще один удар вдогон, еще... «Деды» сбили Ярослава с ног и били, пока он не перестал закрываться руками.

– Смотри, сопля! Завтра плевки заставлю тебя собирать! – пригрозил Ероха. – И только попробуй отказаться... Пошли, мужики, пулю распишем...

«Старики» убралась. Ярослав с трудом поднялся, подошел к зеркалу. Тело как отбивная груша, только что побывавшая в употреблении. Но лицо целое. Ни синяков, ни ссадин... Козлы!

Кое-как он доковылял до кровати, забрался под одеяло. Хотелось плакать от обиды и унижения. Но он сдержался. В конце концов он мужчина, а не баба...

Он думал, что на эту ночь испытаний довольно. Но не тут-то было. Его подняли после полуночи. Повели в каптерку. А там все тот же Ероха. Морда красная, в зубах сигарета, в руках карты. С ним за столом еще два «деда». Преферансисты хреновы.

– Ну чо, мудила, ты уже понял, какая жизнь тебя ожидает? – с высоты всех своих «дедовских» преимуществ спросил Ероха.

Ярослав молчал. Зато этот гад не унимался:

– Мне до приказа четыре месяца осталось. Ну, еще немного задержусь. До зимы точно гноить тебя буду. Потом «черпаки» тебя гноить будут. А потом и твой призыв... Чухан ты, чуханом и останешься...

– Чего ты хочешь? – с ненавистью смотрел на него Ярослав.

– А-а, хороший вопрос, – осклабился Ероха. – И я дам тебе хороший на него ответ. Жену твою хочу!

– Чего?! – взвился Ярослав.

– Жену твою мамой сделать хочу... Ты же гнида, и ребенок у тебя гнилой будет. А от меня здоровое потомство... Но ты не думай, я не быдло какое-то, у меня все по-честному... Давай в картишки перекинемся. Если твоя возьмет, пальцем тебя больше никто не тронет. А если моя, то я пальцем трону твою жену. Палец у меня большой и толстый. Хочешь покажу?.. Или лучше твоей жене показать? Так это легко... Ну так чо, договорились, а? Если ты проиграешься, то звонишь своей жене и говоришь, что продал ее Ерофееву Евгению Дмитриевичу! А у меня увольнение завтра, я к ней подъеду, пусть она уважит дорогого гостя. Жилплощадь найдется?

– Найдется, – кивнул Ярослав. – Два метра в квадрате. И два метра в глубину... А цинковый гроб для тебя Министерство обороны выделит!

Он думал, что Ероха взбесится. Но тот лишь расхохотался. Истерическое какое-то веселье. Поэтому и стихло быстро.

– Ты так больше не шути, шваль позорная, не надо. А то в следующий раз я шутку не пойму. Тогда тебя самого зароят... Ну так чо, раскинем «секу», а?

Ярослав не сомневался, что у Ерохи пять тузов в одной колоде. Да и мыслимое ли это дело, играть на самое дорогое, что есть в его жизни...

– Да пошел ты!

– Ясно. Не хочешь по-хорошему... Не хочешь – заставим...

Ероха неторопливо поднялся из-за стола. Сейчас он подойдет к Ярославу и начнется...

А он не должен подойти! Ему нужно помешать!.. Ярослав выхватил взглядом свободную табуретку, подскочил к ней, схватил за ножки и швырнул в ненавистного «деда». Точное попадание. «Снаряд» ударил Ерохе в грудь. Подлец покачнулся, но не упал. И все же он в замешательстве. Пока прочухается...

– Ни хрена себе! – заорал его дружок.

И бросился на Ярослава. Но мощный хук справа швырнул его на пол. Второго «деда» он поймал на йоко-маваши. Удар вышел за зависть хорошим, и «дедушка» по-старчески бросил свои кости в шкаф с шинелями.

Но победа была не полной. Ярославу не хватило силы, чтобы окончательно вывести противника из игры. «Деды» быстро прочухались и снова бросились на него. Но когда Ярослав в боевом запале, с ним лучше не связываться. Он бил, не обращая внимания на ответные удары. Бил, бил... И при этом следил, чтобы никто из «стариков» не схватил нож под горячую руку. Он хорошо помнил, чем закончилась для него схватка с Артуром. И все из-за невнимательности...

Первым в глубоком нокауте оказался Ероха. За ним успокоился второй его дружок. Третьего Ярослав зажал в угол и лупил его без оглядки назад. И все же он услышал, как распахнулась дверь.

Ну вот, вторая партия «дедов» подоспела. Теперь его будут бить смертным боем... Ну и пусть! Ему уже все равно!

Ярослав резко развернулся и увидел, как в каптерку входил дежурный по дивизии, а с ним дежурный по батальону!

– Отставить! – заорал майор.

Ярослав покорно сложил крылья, опустил на грудь голову.

– Что здесь происходит?

– Сам не знаю, – пожал плечами Ярослав.

– А кто знает?.. Какого года службы, солдат?

– Первого...

– Так, ясно... Что здесь происходит?

Этот вопрос был обращен к дежурному.

– Так это... его сюда просто позвали... – в недоумении смотрел на Ярослава сержант.

– Знаю я ваше «просто»! «Дедовщину» развели, мать вашу!.. Ладно, разберемся!.. Ты, солдат, в кровать, живо! А вы, товарищ сержант, под трибунал пойдете, если с ним что-то случится...

Ярослав отправился в умывальник, глянул в зеркало. Под глазом набухает шишка, губа разбита. Но все равно он победил... Только вот гордость его не распирает, и голова не задирается вверх. Он прекрасно понимал, что эта победа дорого ему обойдется. «Деды» не успокоятся, пока не поквитаются с ним. В эту ночь его вряд ли тронут, но настанет час, когда его снова пустят под раздачу... Как говорит армейская мудрость, битие определяет сознание...

Ночью его больше не трогали. А утром вызвали на разбор полетов. И не абы куда, а в штаб дивизии. В кабинете начальника штаба его ждал вчерашний старший лейтенант. Держался он здесь властно и независимо, как будто он птица более высокого полета, чем полковник Когут. Но, как выяснилось чуть позже, он был из другой части и не подчинялся даже командиру этой дивизии.

– Что, Барьянов, «дедушек» поколотил? – с симпатией, но иронично посмотрел он на Ярослава.

– А пусть не лезут...

– Правильно, себя в обиду давать не надо... Вот у меня объяснительные от... гм... пострадавших. Пишут, что ты набросился на них как лев. Приемы карате... Ты что, карате до армии занимался?

– Ну, раньше было... А потом бокс...

– Разряд есть?

– Кандидат в мастера спорта...

– Это показатель. И то, что старослужащих не испугался, тоже хорошо... Только ведь они тебе жизни не дадут...

– Знаю, – насупился Ярослав.

– Может, стоит часть сменить?

– Мне и здесь хорошо...

Другая часть могла оказаться где-нибудь у черта на куличках. А ему поближе к Москве нужно...

– Что, у жены под боком прослужить хочешь? – усмехнулся старлей. – Не получится. Рано или поздно тебя отсюда уберут. Да еще разбираться будут, как ты в эту часть попал. Ты ж москвич, а возле дома служить не положено...

Ярослав мысленно усмехнулся. На «положено» в этой стране уже давно положено с большим прибором... Но если начнут разбираться, то в самом деле могут махнуть поганой метлой, вымести куда-нибудь за «каменный пояс».

– В общем, резину тянуть не буду, Барьянов, – сказал офицер. – Я не просто так прибыл к вам в дивизию. Моя задача отобрать трех наиболее подготовленных молодых солдат для дальнейшего прохождения службы... Где – неважно...

Как будто что-то в груди оборвалось... И зачем он только связался с этим долбаным Ерохой?..

– Вы, рядовой Барьянов, показали вчера отличную физическую подготовку...

И на кой черт он вчера дал полную выкладку, чтобы занять первое место в дурацком соревновании! На увольнение позарился...

Мысли проносились, как пули у виска. А действительность надвигалась, как локомотив – быстро и неотвратно.

– Так что, солдат, готовься к отбытию в другую часть, – заключил старлей.

Такое ощущение, будто он набросил на шею удавку и затянул ее так, что не вырваться. И руки у Ярослава связаны. Он связан с армией присягой и законом. Да и не того он засола, чтобы дезертировать...

– А когда ехать?

– В понедельник. После обеда... С женой повидаться хочешь? Хорошо. Прямо сейчас пойдешь в увольнение. А в понедельник утром чтоб как штык был здесь. Вопросы?

Невиданная щедрость. Сегодня суббота, завтра воскресенье. Получается, у него в запасе целых две ночи. Невероятно, но факт... Неспроста все это, ох неспроста...

Ярослава душили нехорошие предчувствия, но у него хватило ума не обсуждать эту тему с Ксенией. Он вел себя с ней так, как будто ничего не произошло. А утром назначенного дня прибыл в часть. С надеждой, что его все же оставят на прежнем месте службы. Но нет, стар-

ший лейтенант Макарчук взял отобранных солдат и с ними убыл в аэропорт. А там собралась целая команда из таких же новобранцев. Их привозили из других московских частей. Всего собралось человек сорок.

Перед отъездом Ярослав хотел черкнуть Ксении пару строчек. Но передумал. Напишет письмо, как только прибудет в часть. А она вроде бы где-то под Астраханью находится...

Но самолет взял курс на Душанбе. В столице Таджикистана группу ждали бортовые «Уралы». Солдат рассадили по машинам и отвезли в какую-то воинскую часть. Но на этом путешествие не закончилось. Утром их снова погрузили в машины и куда-то повезли. Городской пейзаж за бортом сменился горами, ущельями. Палящее солнце, пыльные тряские дороги. И полная неизвестность.

Следующий пункт назначения – таджикский город Куляб. Но и здесь группа не задержалась. Снова горы, снова серпантины сначала шоссе, а затем и проселочных дорог. В конце концов Ярослав оказался на территории воинской части. Вокруг только горы, на верхушках которых дремали облака. Ни одного селения поблизости. Горные вершины, скалистые обрывы, шумная быстротечная река.

Это была отдельная учебная часть. Сборно-щитовые коробки казарм, штабное здание, спортивный городок с полосой препятствий, столовая, плац, клумбы. Автопарк, вертолетные площадки. Военный городок из нескольких домов на четыре квартиры. Территория обнесена рядами колючей проволоки.

Новобранцев построили на плацу перед штабом. Жара такая, что асфальт плавится. Но настоящий солдат должен стойко переносить тяготы и лишения воинской службы. Командир появился лишь через час. Неплохое начало...

Это был высокого роста худощавый мужчина с темным от загара и времени лицом. Полевая форма песочного цвета со множеством накладных карманов. Из-под расстегнутого ворота выглядывает десантная тельняшка, хотя петлицы у него общевойсковые. На плечах по две зеленых звезды. Подполковник. На правой стороне два ряда орденских планок. Ярослав не разобрался в них, чтобы судить, какими орденами и медалями он награжден. Но видно, что человек заслуженный.

– Ну что, орлы, будем служить? – спросил бравурно.

Вопрос чисто риторический. Никто даже не пытался дать на него отрицательный ответ. Хочешь не хочешь, а служить все равно придется. Эта часть, как та подводная лодка, с которой никуда не денешься.

– Будем служить, – уже серьезным тоном подытожил он. – Надо служить. И хорошо надо служить, иначе... Плохо обученный солдат – хорошая мишень...

Ярослав заметил, как напряглись лица солдат. Никто еще не говорил про Афганистан, но это слово уже носилось в воздухе... Неспроста же их загнали в таджикские горы, по которым проходила советско-афганская граница. И часть учебная – значит, предстоит смена места службы. И путь только один – на юг, в Афган... А Ксения так этого боялась...

– Горы любите, бойцы?

Снова вопрос в белый свет как в копеечку. Какая разница, любишь ты горы или нет? Не любишь – заставят...

– А придется полюбить... – в унисон его мыслям заключил подполковник. – Потому что с этих пор горы для вас родная стихия, как море для моряков... Наш учебный центр готовит высококлассных специалистов для горно-стрелковых подразделений. Прошу заметить – высококлассных специалистов! Сразу предупреждаю, легкой жизни не ждите. Нервы в кулак, душу под замок, терпение на все узлы. Так-то вот... Срок обучения – один год. Что приуныли? Не нравится?.. Ничего, я обещаю, что вам здесь понравится. Потом будете вспоминать этот год как самое лучшее время в вашей жизни...

Ярослав скептически скривил губы. Лучший год в его жизни – это время, проведенное с Ксенией. И так не хотелось ему сейчас быть сильным и смелым. Хотелось быть просто юбочником – спокойно и радостно жить под крылышком у жены. Но раз уж он здесь, придется петь в общем хоре. Сопливое соло здесь не в почете, и он это прекрасно понимает...

С плаца молодое пополнение повели в казарму первой роты. По утверждению командира, в учебном центре не было «дедовщины». Все курсанты первого года службы. И всего две большие группы. Старшая училась уже полгода, младшая только-только приступила к занятиям. К зиме старшая группа отправится в войска, взамен наберут молодежь. Младшие курсанты автоматически перейдут в разряд старших. Все правильно, учебный процесс должен идти по замкнутому циклу.

В казарме было тесно. Кровати в три яруса, узкие проходы. И жара несусветная, душно как в бане. Ярослав получил в каптерке матрас, одеяло, подушку, белье, заправил свою кровать. И вышел на улицу. И все остальные солдаты потянулись в курилку. А тут и рота с занятий возвращается... Человек триста. На целый батальон хватает.

– Раз, раз, раз-два-три... – командует прапорщик. – Рота, стой, раз-два!.. Пятнадцать минут личного времени. Разойтись!

Как будто бомбу в центр строя кинули. Солдаты с грохотом разлетелись в разные стороны. Резкий старт, стремительный разгон, плавное торможение. И снова народ собирается в стадо, но уже не организованное. Толпа надвигается на курилку.

– О! Молодых пригнали! – слышится чей-то раз-удалый голос.

– Это кто там старый? – поднялся со своего места Толя Гвоздь.

Огромный детина, монолитный сплав из энергии и мускулов. Он прибыл в часть вместе с Ярославом. И ему вовсе неохота, чтобы солдаты одного с ним призыва причисляли его к молодым.

– Да ладно вам, пацаны, быковать! – Из толпы вырвался вперед среднего роста парень. Широкие покатые плечи, мощная шея, тяжелые кулаки. – Все мы здесь из одного теста... Из Москвы кто-нибудь есть?

– Есть, – вяло махнул рукой Ярослав.

– С какой улицы?

– Красная Пресня.

– Оп-ля! А я с Жукова!

– Так это ж рядом.

– Ну так а я о чем, братуха! – хлопнул его по плечу парень.

Рука у него тяжелая, как из чугуна. Не хотел бы Ярослав попасть под его кулак.

– Да, меня Кеша зовут!

Он так крепко пожал ему руку, что пальцы затрещали. Но Ярослав и виду не подал, что ему больно. Он тоже представился.

– Тебя в какой взвод определили, земля?

Рядом с Ярославом не было свободного места. Но Кеша его нашел. Как будто так и должно быть, боком отодвинул ближайшего к нему солдата. Разместился. Достал пачку «Примы», протянул ему.

Ярослав взял сигарету. Он хоть и не курильщик, но несколько раз уже пробовал. Не то чтобы понравилось, но уже не мутило. И на душе после сигареты спокойней... Вспомнились пророческие слова Юрика. В армии, мол, закуришь... Да, видимо, он прав.

– Я здесь уже почти второй месяц бодяжусь... – на правах бывалого воина с важным видом сказал Кеша. И уже без особого восторга: – Тяжко здесь...

– Везде так.

– Не, здесь особенно тяжко. Мы же спецназ...

– Спецназ?

Про спецназ Ярослав слышал впервые.

– Ну, не то чтобы спецназ. В смысле, прямых раскладов на этот счет нет. Но ты сам пойми, в других учебках полгода дрочат, а здесь целый год... Меня еще в мае сюда пригнали. Как раз старший курс выпускали. Так они нам такое показали. Машутся как боги. По скалам как пауки, ну, репшнуры там, карабины. А стреляют ваще... Не, я тебе говорю, это горный спецназ, в натуре. Если не сдохнешь, то через год настоящим профи станешь, я тебе отвечаю!

– А что, можно сдохнуть?

– Ну, не натурально, да. Тут это... типа естественный отбор. Выживают сильнейшие, а дохляки на списание. Слабаков в обычные части отправляют, в Афган, естественно...

– Почему естественно?

– Да потому что нас для Афгана здесь готовят. А если тебе воевать неохота, то ты закосить можешь, да. Закошил – тебя списали, и в Союз. А хрена тебе лысого, а не Союз. Всех в Афган... Так что косить смысла нет. Да лично я и не хочу. Я в десантуру попасть хотел, а не вышло. А тут, оказывается, покруче, чем в десантуре, будет... Ты вот думаешь, чего вас сюда пригнали? А чтобы толпа больше была. Чтобы выбирать было из кого. Восемьсот рыл набрали, а выпустят полторы сотни, не больше... Тут и альпинисты есть, ну, которые до армии по скалам от не фига делать лазили. Так и они не выдерживают. Уже больше сотни за реку отправили... Вас вот пригнали. Типа рабочий материал. Но ты, земля, держись. Нас, москвичей, здесь мало. И всем нам друг за дружку держаться надо. Не любят нас, москвичей. А мы заставляем себя любить, а как ты думал!..

В тот день молодых на занятия не дергали. Ужин, личное время, просмотр телепередач. Отбой. Никаких «дедовских» заморочек – ни сейчас, ни в будущем. А вот учебный процесс обещают нешуточный. Но Ярослав не тряпка, он все выдержит. И учебку пройдет, и Афган. Через два года вернется домой в медалях. Обнимет Ксению, крепко-крепко прижмет ее к своей груди...

Ксения... Как она сейчас там?.. Ксения... И Ероха... Ярослав дернулся, как будто клоп его укусил. Ероха остался в Москве. Он может узнать его адрес. А ему хватит наглости, чтобы заявиться домой к его жене. И Ярослав не сможет защитить ее... Может, все обойдется?

* * *

Лето – пора экзаменов. Но их боятся только неисправимые двоечники. Ксения не из тех, кто круглый год бьет баклуши. Она постоянно в работе, и эта работа доставляет ей удовольствие.

Сегодня воскресенье. Хорошо бы погулять по парку, вернуться домой, принять холодный душ и сесть в кресло перед телевизором. Но у нее есть пианино. Это не просто ее отдушина, это самая настоящая радость жизни. С ним она не знает скуки... Вот и сегодня. Концерт ре минор Баха, этюды и ноктюрны Шопена, Лист – «Годы странствий», скерцо и марш...

Настоящий пианист должен все время совершенствовать технику игры. Для этого нужно иметь крепкие пальцы, постоянно их тренировать, особое внимание уделять слабому четвертому и проламывающемуся пятому пальцам. Техника должна быть интересной и своеобразной. В гаммах Баха и Генделя преобладает нонлегатный вид пальцевой техники, в пассажах Шопена – легатный, исполнение Листа требует стремительности, быстроты и огненности... Но техника без художественного образа ничто. Только в образе можно уловить настоящие звуки, только тогда можно говорить о нем как о предмете – круглый, плоский, глубокий, мелкий... Звуки должны быть умными, но иногда они звенят, как бубенчики на шутовском колпаке. У Шопена звук – само совершенство. А это какая-то какофония. Откуда она взялась?.. Ксения очень увлеклась, а потому не сразу поняла, что ей звонят в дверь...

С сожалением она оторвалась от инструмента, нехотя поднялась, прошла в прихожую. Глянула в глазок. Какой-то солдат. Рыжие волосы, нос картошкой, да еще и конопатый. На погонах три желтые полоски. Ярослав учил ее разбираться в воинских званиях. Она не очень хорошо усвоила этот урок. Но, кажется, к ней стучится военный в звании «сержант». И у него такие же красные погоны, как у Ярослава, и околыш на фуражке такой же... Было бы лучше, если бы он сам пришел. Соскучилась она. Но в этот выходной он быть не обещал...

Пианино – живой организм, в обращении с ним требуется уважение и почтительность. Поэтому Ксения никогда не садилась играть в домашнем халате. Белая блузка с длинным рукавом, темно-серая юбка ниже колен. Ни единого намека на вульгарность. Так что ей не требовалось сейчас переодеться, чтобы предстать перед сослуживцем Ярослава. Она смело открыла дверь.

– Здравствуйте! – смущенно улыбнулся он.

Замялся, руки сложил за спиной.

– Я от Ярослава!

– Что с ним?

Сердце встревоженно сжалось, в душу ворвался холодок.

– Да вы не бойтесь, с ним все нормально. Просто его сегодня в увольнение не отпустили.

Он просил передать, что с ним все в порядке...

– Спасибо! – благодарно посмотрела на него Ксения.

– А-а... А вы меня в квартиру не приглашаете?

– Ах да... Проходите, пожалуйста!

Ей вовсе не хотелось впускать чужого мужчину. Но правила хорошего тона требовали соблюдения приличий...

– А меня Евгений зовут! – переступая порог, ухарским тоном сообщил он. И этот тон насторожил Ксению. Она закрыла дверь, но на замок запирать не стала.

Сержант нагло заглянул в гостиную, в спальню и только затем последовал на кухню, куда пригласила его Ксения.

– Неплохая квартирка. Вы что, с Ярославом вдвоем здесь живете?

– Это его родителей квартира. Они в длительной командировке... Чай, кофе?

– А чего покрепче нет?

Евгений раздражал ее все сильнее. Но воспитание не позволяло выставить его за дверь... Это был тот случай, когда Ксения завидовала наглым напористым бабам с базара.

– Вам же нельзя покрепче, вы на службе.

– Это Ярославу нельзя, он «дух», – высокомерно заметил сержант. – А я «дед», мне все можно...

– Но у меня нет ничего покрепче...

– Да? А Ярослав говорил, что есть!

Он вытащил из кармана кителя пачку «Стюардессы», выбил из нее сигарету.

– У нас не курят, – недовольно посмотрела на него Ксения.

– Да ладно тебе, принимай меня таким, какой я есть! – нехорошо усмехнулся он.

– Это как прикажете вас понимать? – возмущенно протянула Ксения.

– Да так и понимай. Ярослав тебя мне на поруки передал... Не понимаешь? Все просто.

Мы с ним договорились. Один выходной он к тебе ходит, другой – я. Все очень просто... А разве он тебе этого не говорил?

Ксения промолчала. Хотела сказать что-нибудь резкое, но наглость этого рыжего хама лишила ее дара речи.

– Он же был у тебя в прошлое воскресенье. Это я его отпустил. А мог бы и не отпустить. Все в моей власти, понимаешь? Хочу – отпускаю, хочу – нет. А так он раз в две недели будет у тебя, с ночевкой, все как положено. И я с ночевкой могу, ты только скажи!

– Скажу... – задыхаясь от возмущения, выдавила она. – Скажу, чтобы ты убирался!

– Как это – убирайся? – хищно осклабился сержант. – Мы с твоим мужем договорились.

А договор дороже денег!.. Так что давай раздевайся!

– Что?!

– Что слышала!

Он резко поднялся, подскочил к ней и с силой дернул за ворот блузки. Разорвалась ткань, посыпались пуговицы... А подлец нагло полез к ней в лифчик. Такого с Ксенией еще не было. Даже Артур себе такого не позволял. Приставал, говорил гадости, но чтобы руки распускать!..

– Пусти, скотина!

Она дернулась, чтобы вырваться из мерзких объятий. Но подлец еще крепче вцепился в нее. Сорвал с нее лифчик, губами впился в оголившийся сосок. Это было так ужасно... Ксения нащупала рукой сковородку. Бам! И насильник хватается за голову. Она воспользовалась моментом, вырвалась и бегом из кухни. Нужно было бежать к входной двери, но она ничего не соображала. Поэтому оказалась в спальне. Рыжий подонок ворвался туда вслед за ней.

– Чо, здесь будешь давать? Давай здесь!..

– Пошел вон отсюда, скот!

Ксения попыталась влечь ему пощечину, но он отвел назад голову – удар не достиг цели. Зато он ударил наверняка. Внутренней стороной ладони, наотмашь, по лицу. Перед глазами все поплыло, пол закружился под ногами. Сильные руки толкнули в грудь, и она упала на кровать. Сержант навалился на нее, полез под юбку. Она сопротивлялась, но все бесполезно. Он сумел сорвать с нее трусики, втиснулся между ног. Но свою мерзость из штанов достать не успел. Какая-то сила сорвала его с Ксении, отшвырнула к стене.

Это был Юрий. В глазах злость, лицо искажено от ярости. В неистовстве он набросился на насильника. Ударами в лицо сбил его с ног. Оторвал от пола, прижал к стене. И снова со всей силой обрушился на него...

– Хватит! Не надо! Ты же убьешь его!

Только ее крик смог отрезвить его. Он оторвался от своей жертвы, обратился к ней. Мгновенное перевоплощение. Мягкий заботливый взгляд, теплота в голосе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.